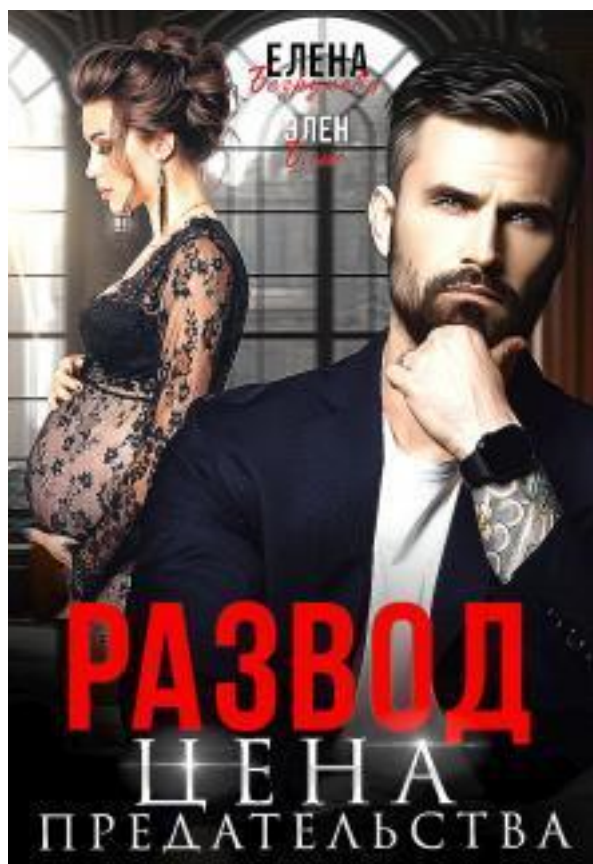

Елена Безрукова
Элен Блио
Развод. Цена Предательства

<https://litres.ru/74394473>

Аннотация

Я застыла с телефоном в руках. Бывший муж стоял в дверях. Он всё слышал... Ремизов направился ко мне и едва не впечатал в стену собой. — Значит, Соня — моя дочь? — спросил он и сжал мою талию до боли. — Моя? — Твоя, — тихо ответила я, глядя в сторону. — Какого чёрта, Лика? — прорычал он. — А такого! — посмотрела смело я ему в лицо и вздёрнула подбородок. — Ты меня предал. А значит, её — тоже. Нам папаша-предатель и подонок не нужен, ясно тебе? — Не ясно, — рыкнул он снова, приближая ко мне лицо. — Я заберу Соню, если она моя. И тебя тоже. Тогда ты тоже — моя. Я стояла, не в силах пошевелиться в его руках.

Ремизов не знал главного — я носила под сердцем ещё один подарок его страсти, что случилась между нами не так давно...

РАЗВОД. Я НАУЧУСЬ ЖИТЬ БЕЗ ТЕБЯ -

Содержание

1.	4
2.	8
3.	15
4.	22
5.	26
6.	30
7.	35
8.	40
9.	45
10.	52
11.	58
12.	63
13.	70
14.	79
15.	86
16.	94
17.	103
18.	108
19.	113
20.	118
Конец ознакомительного фрагмента.	120

1.

Я опустила глаза на наручные часы и нервно постучала ногтями по столу.

Задерживаетесь, господин Царёв. Нехорошо.

Мы же оба деловые люди, в конце концов, мог бы и приехать вовремя.

Почему я должна сидеть и ждать его королевское величество?

— Где он есть? — раздражённо спросила я своего юриста, который сопровождал меня на это деловой беседе.

Сам ведь пригласил меня в этот ресторан. Вон, даже вип-кабинку арендовал, где находились бы только мы. И опаздывает.

— Сейчас придёт, Лика Сергеевна, — отозвался мужчина. — Судя по тому, как он настаивал на встрече, ему и самому нужен этот разговор с вами.

Беседа касалась моей фирмы — это уже было оговорено.

Господин Царёв, личность которого для меня так и осталась неизвестной, и которого я никогда раньше не видела, проявлял интерес к моей компании. И немудрено — он был нашим самым серьёзным конкурентом. И, к сожалению, обходил меня.

Царёв со своей строительной конторой пришёл на наш рынок около шести лет назад, и развивался стремительно. Стал

перебивать мои контракты и уводить моих клиентов.

Вёл грязную и недостойную игру.

Моя фирма терпела убытки, и сейчас находилась на грани банкротства. Но я не теряла надежды и пыталась спасти наш “Титаник” — я буду бороться до конца за своё дело. Жаль, только удача в последнее время катастрофически не на моей стороне.

С мужчиной заключали контракты охотнее, чем с фирмой, во главе которой находилась довольно молодая женщина — ведь мне ещё не было и тридцати.

Компания досталась мне от бывшего мужа после развода.

Он изменил мне со своей секретаршей, за что я и подала заявление на развод.

Компания была записана на меня, и я посчитала справедливым забрать её себе, оставив бывшего муженька с голой попой на снегу.

На тот момент компания была уже развитая, в делах фирмы я разбиралась, так как работала на ней же вместе с неверным супругом, и я встала во главу фирмы.

И всё было относительно неплохо, пока не появился этот ушлый и омерзительно удачливый Царёв, чтоб ему пусто было...

Я снова задумчиво постучала ногтями по столу из красного дерева.

А Царёв знает толк в заведениях, у него губа — не дура:

этот ресторан — один из самых дорогих и популярных в нашем огромном городе. Вкус у него неплохой... Ещё бы приходил вовремя на встречу, которую сам же и назначил — цены бы ему не было!

Интересно, какое такое предложение он готовился мне озвучить?

Коммерческое.

Что такого он мог бы предложить своему конкуренту, чьё состояние он и так уже изрядно пошатнул?

Окончательно сдаться?

Ну это сразу — нет.

Я не сдамся так легко!

Не на ту напал, господин Царёв.

Если уж я Ремизова — своего бывшего неверного мужа — разула и оставила с носом после того, как он унизил меня изменой, то и с Царёвым как-нибудь разберусь.

Уж не из робкого десятка.

К тому же, ещё была надежда выиграть тендер на строительство нового торгового комплекса. Тогда мы смогли бы укрепить своё положение и вернуть некоторые долги. И ситуация могла бы измениться в мою сторону.

Только бы выиграть тендер...

— Как я выгляжу? — спросила я Олега Викторовича, моего неизменного юриста фирмы.

— Вы, как всегда, прекрасны, Лика Сергеевна, — улыбнулся мужчина. — Глаз не отвести.

Я улыбнулась, но достала из сумочки небольшое зеркальце, чтобы оценить свой внешний вид — не распалась ли причёска, не размазалась ли помада, пока мы ехали сюда через полгорода...

В отражение на меня смотрела изящная брюнетка с зелёными глазами.

Придаться к её внешнему виду было бы сложно — и с причёской, и с макияжем всё было в полном порядке!

Зря я, что ли тратила такие деньги на имиджмейкера и дорогущую косметику?

От разглядывания самой себя в зеркале меня отвлёк звук открывшейся двери вип-кабины ресторана.

Я так и застыла на месте, словно на меня ведро ледяной воды вылили махом.

В кабину зашёл и закрыл за собой дверь...

Ремизов.

2.

Это же Демид Ремизов!

Мой муж.

Бывший...

Тот самый, с которым я развелась шесть лет назад, и у кого отняла фирму...

Я растерянно захлопала ресницами.

Словно свой самый нелюбимый кошмарик увидела.

Ущипни меня, юрист!

Только не очень больно, и за приличное место.

А может и за неприличное, пусть этот гад поперхнется!

Я хочу проснуться и не видеть вот этого товарища...

Господи, у меня сейчас в тридцать тахикардия начнётся!

Хочу проснуться на Гоа или еще лучше на Мальдивах, под пальмой возле океана, с кокосом в руке, а не вот это вот всё...

Сгинь, сгинь, сгинь...

Хотелось сплюнуть через левое плечо! И перекреститься. Прогнать чёрта подальше.

— А ты совсем не изменилась, — сказал он низким бархатным голосом. — Как залипала на себя в зеркало вместо ведения дел, так и продолжаешь. Впрочем... Это для тебя подходит куда больше, чем управление большой компанией. Которую ты, между прочим, умудрилась практически про-

сра.... Развалить, в общем. Ликуюсь, лучше бы дальше губы красила, и мужа удовлетворяла. Больше ты всё равно ни на что не способна.

Сволочь.

Гад.

Подлец!

Предатель!

Ган... контрацептив, в общем, использованный.

Боже, как же я его ненавижу!

— Ликуюсь?

От этого меня вообще передёрнуло. Я даже заморгала часто, прогоняя непрошенное наваждение.

Только он так меня называл.

Когда-то это звучало так нежно, ласково, во время самых интимных моментов, когда я взлетала на седьмое небо от его ласк, от глубоких, горячих, страстных поцелуев.

ТЬфу, дурочка! Нашла о чем вспоминать!

Прямо захотелось себе срочно по щекам надавать.

Может, ты ещё его простила, скажешь?

Может, всё ещё не равнодушна?

Очнись, Ли́ка.

Всё в прошлом, и всё закончилось максимально ублюдски с его стороны!

Он сам тебя променял на подстилку с дутыми пузырями, которая ноги раздвигала перед всеми своими начальниками.

Меня кидало и в жар, и в холод от его обидных слов. Я не

сразу смогла сообразить, что не так.

Я никак не ожидала увидеть его здесь. Сюда прийти должен был вовсе не Ремизов!

Что происходит?

— А где Царёв? — спросила я, с трудом справившись с собой. Ничего не понимаю...

Ремизов что — ошибся кабинками? Тоже приехал тут поужинать?

Так пускай валит отсюда быстрее.

Мы точно не самая лучшая компания друг для друга!

От ужина в такой компании в лучшем случае несварение, в худшем — гастрит и язва желудка.

Высокий статный мужчина расправил на себе пиджак, затем расправил свои мощные плечи и устремил ироничный взгляд карих глаз на меня.

Грустно признавать, но бывший, чёрт его дери, остался тем ещё красавчиком.

Козёл.

Даже ещё мужественнее стал. Возраст прибавил ему какого-то шарма, словно он — дорогой коньяк, который настоялся ещё шесть лет.

Да, я его ненавидела, но не признать очевидное не могла. Он был хорош. Залипателен. Как герой качественного сериала. Мистер Биг, блин...

В его густых тёмных волосах сейчас проступала явственная седина на висках — красиво, это называют перец с со-

лю, не всем подобное шло, но у Ремизова выглядело просто шикарно.

Демид был старше меня, и сейчас ему исполнилось уже сорок три. Но седина и возраст, как часто бывает с мужчинами, его только красили.

Вот бы нам так...

Это, конечно, очень обидно для женщин, некоторые мужчины до старости сохраняют шарм, красоту, а нам, увы, приходится прибегать к помощи косметологов и хирургов, причём не всегда успешно. Конечно, мне пока до этого далеко, но...

В общем, выглядел Ремизов как настоящий король подиумов или красных дорожек.

Король, блин... Царь...

— Царёв — это я. Ты разве не поняла?

Что? Он... серьёзно?

Дорогие друзья!

Данная история является третьей в цикле “Измены”, при этом являясь самостоятельной единицей, но тут появляются герои из 1 и 2 книги цикла.

Как читать и в какой последовательности, если вы хотите узнать, с чего всё начиналось?

Сейчас расскажем.

1 КНИГА — ТЫ НАС ПРЕДАЛ

— Когда ты скажешь своей клуше, что уходишь ко мне?
— говорила моя лучшая подруга.

— Скажу, — отвечал ей любимый. — Сложный проект, ты же знаешь.

— Скоро будет видно живот.

— Какой живот? — ворвалась я в спальню и едва не упала в обморок, в последний миг зацепившись за дверной проем пальцами.

Они лежали на нашей постели совсем без...

Два предателя. Два палача.

— Беременный, — не смутилась та, которую я считала подругой. — У нас будет ребёнок.

Как ты мог, любимый?

Ты нас предал.

Ты нас убил.

И ты никогда не узнаешь о ребёнке, которого я ношу от тебя.

<https://litnet.com/shrt/V7xG>

2 КНИГА ЦИКЛА — РАЗВОДА НЕ БУДЕТ

ЕЛЕНА Безруко
ЭЛЕН Буно

3.

Мой мозг работал на износ, сопоставляя все данные.

О нет, я далеко не была душой, но этот грёбанный Мистер Икс меня просто запутал.

Специально.

Напустил на себя тайны и загадки...

Придурок жизни!

Знал же, что иначе бы я никогда не пришла на эту встречу!
Да, да, если бы я была в курсе, что Царёв — это Ремизов!

Кретин.

Развёл меня, как девчонку малолетнюю.

Грифон долбаный.

Как же я тебя ненавижу. До сих пор...

Вспоминала моменты из прошлого и ярость черная топила адово.

Он. Она. Шикарный рабочий стол из современного ударопрочного стекла. Стол реально был прочный, выдержал их грязные страсти. А вот моё сердце нет.

Вдребезги. В пыль. Не собрать.

Стоп, Лика! Не вспоминать!

Я запрещала себе думать об этом, ставила блок на эти моменты из прошлого. Но всё равно именно сейчас они проры-

вались, грозя сломить мою выдержку.

Выдержка! Вот то, чему я научилась, над чем так долго работала! пусть она меня и сейчас выручит, господи, боже, пожалуйста!

Ремизов подошёл ближе, к тому дивану, на котором сидела я.

Напротив он садиться не стал. Он устался на моего юриста.

— Погуляй-ка.

Что? Для Царёва-Ремизова было нормой вот так обращаться с человеком? Вообще-то это мой юрист, весьма солидный человек!

— Я уполномочен сопровождать Лику Се...

— Я сказал: погуляй-ка, — повторил с нажимом Демид. Олег Викторович устремил взгляд на меня.

Мне внезапно стало перед ним стыдно.

Бояться мне за свою жизнь не стоит.

Ремизов тот ещё козлище, конечно, но в рукоприкладстве и насилии замечен никогда не был.

Ничего он мне не сделает. Кроме момента, конечно, что мне в принципе говорить с ним противно. И находиться в одном помещении. И вообще... я бы с ним на одном поле не села...

Но сейчас я понимала, что лучше с этим шикарным ублюдком говорить без свидетелей.

— Оставьте нас, Олег Викторович, — сказала я, стараясь, чтобы голос не дрожал. — Всё нормально. Это приватный разговор. Подождите меня за дверью, пожалуйста. А ещё лучше — пройдите за свободный столик и закажите себе кофе. Я позвоню вам, если вы мне понадобится.

— Хорошо, — кивнул юрист, вставая со своего места и пробираясь к выходу.

Даже он уловил напряжение и тяжёлую энергетику в помещении, которые возникли с появлением здесь Демиды. Правда, мой юрист не знал, что это — мой бывший. Я ведь наняла его уже после развода. Так получилось, что я почти весь штат сотрудников, оставшихся в “наследство” после развода с мужем, поменяла. Кто-то сам ушёл, кого-то “ушла” я, так получилось.

— Если что — я буду рядом. — сказал Олег Викторович уже стоя в дверях.

Демид как-то странно усмехнулся этой фразе.

Мол — защитник ещё.

И мне это сильно не понравилось.

Нашёлся тут тоже! Король, блин!

Он всегда был наглым типом, позволяющим себе слишком много.

И ведь когда-то мне это даже нравилось!

Его аура силы, власти. Его смелость.

Особенно, когда он за мной красиво ухаживал. Показывал, что ради меня горы свернёт. Что готов ужом извернуться, но подарить мне весь мир. Луну с неба достать.

Достал. Трусики из под юбки своей секретутки!

Ганд... Чёрт.

Снова вспомнила то, что так старательно вымывала из памяти.

Закрыла глаза на мгновение, глубоко вздохнула.

Изыди, блин!

Увы, сегодня избежать общества этого Царёва, который почему-то оказался Ремизовым у меня не выйдет — ведь речь идёт о спасении МОЕЙ фирмы!

Да когда-то она была его. Но те времена прошли!

Олег Викторович закрыл за собой дверь, и мы с Ремизовым остались вдвоём.

Пару секунд этот гад сверлил меня своими наглыми кари-ми глазами, потом уселся рядом со мной на диване.

Блин!

Я невольно дёрнулась и села подальше от него.

Энергетика бывшего пробивала насквозь.

Я не хотела её ощущать.

Неужели нельзя было сесть напротив?

Там тоже есть диван.

Однако Демиду, как и раньше, интереснее было испытывать на прочность меня.

Всё сейчас делал нарочно. Всё, чтобы выбесить.

И как же сложно было не вестись на провокацию!

— Так где же Царёв? — явно издевался Ремизов. — Не пришёл что-то. Почему? Как ты думаешь?

— А был ли мальчик? — усмехнулась я, сузив глаза.

Не поддаваться!

Он, вероятно, думает, что я та же милая ласковая жёнушка, которую ему в своё время удалось растоптать и извалить в грязи?

Ахах, как бы не так.

Ты не прав, Ремизов.

Я изменилась.

Полностью и раз и навсегда.

Мой характер стал словно закалённым из стали.

А сердце превратилось в чёрный гранит.

Оно больше ни о ком не бьётся.

Ни о ком из мужчин. Теперь мне плевать на самцов, они мне не нужны.

Сердце моё занято мыслями только о моей маме, и...

И о дочери.

Сонечка — мой свет в окошке и в конце туннеля.

Моя радость, моё счастье.

Куколка моя, птичка, умничка, моя принцесса, в которой я души не чаю.

Доченька.

Наша с Ремизовым доченька. О существовании которой поганец Демид даже не знает.

И не узнает!

Подумала об этом и сразу сердце забилося сильнее и всё сжалось внутри, и опять гнев и ярость кипит.

Не узнает!

Я костями лягу, но он, подонок конченный, к ней никогда не подойдёт близко.

Только через мой труп.

Не достоин.

Не заслужил.

Пусть ему рожает та стерва наглая, с которой он забавлялся на своём же рабочем столе, когда мне приспичило поухаживать за любимым мужем и принести ему кофе...

Хотела порадовать. Помочь. Зайти в середине рабочего дня, приласкать.

А он уже нашёл ту, которая приласкала.

Подонки.

Разбитая чашка, разбитые жизни и разбитая семья...

Мне тогда казалось, что ему вообще плевать! Вёл себя так, словно ему пофигу! На всё пофигу!

А как же любовь? Как же страсть? Слова, которые он мне говорил, как ухаживал, как добивался. Как в начале брака старался все для меня делать. Как всему учил.

Я же была девочкой невинной до встречи с ним, ничего не умела, всего стеснялась. Он таким осторожным был, неж-

ным, ласковым.

Я ведь уверена была в его чувствах! Казалось, наша любовь настоящая, одна на миллион. И все его друзья мной восхищались, говорили, что я его приворожила, что со мной он стал другим.

Не стал.

Все сломал, искалечил мне душу.

Так горько было, хоть в петлю...

Сначала.

Но я быстро пришла в себя. Сориентировалась. Поняла, как я могу ответить супругу за его “лебединую верность”.

Вереница судов, раздел имущества и две яркие полоски на тесте для определения беременности спустя время.

О которых я, конечно, ничего не сказала Ремезову в процессе развода.

4.

Две полоски, которые так согрели моё сердечко, дали надежду на счастье!

Сказать о положении мужу?

Зачем? Он свой выбор сделал, когда на секретутку залез.

Нахрен он мне нужен после измены?

Ни мне, ни ребёнку ничего от такого папаши не надо!

Разве способен он воспитывать детей?

Разве мог он дать что-то ценное этой крошке, что тогда зародилась во мне?

У меня ни на секунду не возникло желания набрать номер Демида и сказать — я беременна.

Нет!

Недостойн!

Он просто бык-осеменитель, и не более того.

Мы с Сонечкой и моей мамой прекрасно справились втроём.

Даже когда меня скручивало пополам от токсикоза, когда ноги отекали, когда на сохранении лежала. Когда малышка коликами мучилась, а я ночами не спала, когда молока было мало, а потом грудь окаменела из-за застоя.

Конечно, я думала, как было бы, если бы рядом был надёжный и любящий муж, как, например, у моей подруги, с которой мы раньше часто вместе на площадке гуляли с ко-

лясочками. Её супруг ей во всем помогал, такая дружная и крепкая семья у них была. Уже троих родить успели. Но мне моей Сонечки пока хватало.

Выносила, родила и воспитала!

Без него, предателя и пакостника.

И уж тем более сейчас, когда Соня выросла очень самостоятельной и смышленной, её горе-отец нам не упал никуда!

— В мозгах тебе, не откажешь, конечно, — ухмыльнулся в ответ бывший, развалившись на диване и положив руку на его спинку, словно был здесь хозяином всего. В том числе, и меня. — Быстро сообразила.

Я вынырнула из своих мыслей, не сразу понимая о чём говорит Демид. Он ухмыльнулся, поняв это.

— Царёв. Мы о нём. Его никогда не было. Я надул тебя, ДОРОГАЯ.

Меня передёрнуло от этого слова.

Мерзавец.

Он часто так звал меня в период, когда мы ещё были мужем и женой.

Когда мы ещё любили и строили светлое будущее вместе...

А потом он одним махом разрушил всё, не удержав в штанах свою волшебную палочку.

А теперь уж что об этом говорить...

Всё в прошлом, и быльём поросло.

Но на это слово — дорогая — у меня выработалась стой-

кая аллергия.

Также как на слова “верность”, “брак” и “любовь”.

Все эти шесть лет у меня отношений толком-то не было — я просто никому не верила больше. После него...

Любила я его как сумасшедшая...

Как кошка дикая любила.

Всю себя отдавала. На всё ради него бы пошла.

Даже под поезд бы сиганула, не раздумывая, скажи бы он, что ему это нужно.

Любила слепо, верно, преданно, не слыша себя, забывая в этой любви своё имя...

Но в ответ получила нож в спину — предательство.

Я до сих пор не знаю, почему он так поступил со мной.

Почему так пренебрежительно поступил с нашей семьёй, позволил себе “перепихон” с секретуткой. Но выяснять причины тому я и не хотела.

Изменил — значит, не так уж и любил.

А следовательно выход лишь один — развод и девичья фамилия.

Кстати, фамилию себе я вернула, отказавшись от фамилии мужа при разводе.

Не знаю, задело ли его это — мне, честно сказать, было абсолютно фиолетово на его чувства в тот момент, но мне однозначно стало легче, что меня хотя бы не зовут его фамилией. Ну и дочке моей мы дали фамилию и отчество моего папы — София Константиновна Мироненко. Мы обе не

имеем теперь официально отношения к Ремизову.

Кроме фирмы, которая нас продолжает связывать...

И за которой он, очевидно, вёл охоту всё это время, называясь подставным именем.

— Что ты хочешь от меня? — спросила я в лоб, не собираясь тратить своё драгоценное время на реверансы перед бывшим. Чем быстрее поговорим — тем быстрее я отсюда уйду. Компания бывшего супруга меня совершенно не прельщала...

Демид же растянул свои полные порочные губы в улыбке.

И это была улыбка питона.

5.

— Ты даже не станешь истерить, что я тебя обманул и прочее? — изогнул он одну бровь.

— Я когда-то так себя вела? — сделала я тоже самое.

— Нет, — ответил он, взяв небольшую паузу для раздумий. — Истеричности в тебе никогда не было. Как и глупых решений. Иначе я бы не женился на тебе... Тогда.

Я стиснула зубы.

То есть он хочет сказать, что он женился на мне только потому, что я не была истеричкой?

Сволочь!

Ну и зачем он вообще напоминает о том, что было в прошлом?

Это все уже неважно для тех социальных ролей, которые сейчас выпали на нашу долю.

Тогда мы были сначала любимыми, супругами. Преданной и предавшим. Никем... А теперь мы — конкуренты.

— А если перестать заниматься перебиранием прошлых лет... — посмотрела я на него, стараясь быть строгой, — И перейти всё-таки к сути дела?

Бывший снова вальяжно ухмыльнулся.

— Да я просто по-джентельменски оттягивал, так сказать, неприятный момент... — протянул Демид.

— Ты? — рассмеялась я в голос. — По-джентльменски?

Серьёзно? Демид, джентльмен — это не про тебя.

— Отчего же? — наклонил набок голову мой бывший муж. Обиделся? Он всегда так делал, когда мне удавалось его зацепить. И сейчас мне это явно удалось. — Я всегда старался тебя обеспечить всем. Разве нет?

— Демид... — произнесла я, и сама заслушалась, как звучит его имя из моих уст. Сколько же лет я не произносила этого имени? Благо, что оно довольно редкое, и случайные знакомые или коллеги по работе носили отличные имена. А то бы я, наверное, с ума сошла, вспоминая о нём.

Тогда я так любила повторять его имя!

Шептала Демид, когда он ласкал меня еще до свадьбы, уговаривая отдаться ему, не ждать. Но я тогда была как крепень, и муж потом даже меня благодарил за то, что я не сдавалась.

Кричала Демид, каждый раз отдаваясь ему как в первый. Когда таяла от нежности и страсти, даря ему свою любовь и получая любовь от него.

Я даже представить не могла, чем обернётся моя преданность мужу. Моя слепая вера в его страсть, в его чувства.

Я так верила, что он меня любит, а он...

Ведь даже накануне того дня, когда я его застала мы с ним были близки! В полумраке нашей спальни он доводил меня до экстаза, нащёптывая на ухо милые нежности, признаваясь в любви, говоря о том, что я самая лучшая, самая классная любовница, самая страстная и чувственная.

Самая! Мне бы тогда задуматься, что где-то уже идёт соревнование за этот титул и пока он отдаёт первое место мне, своей жене.

Пока.

Сцепив зубы, я подарила бывшему широкую улыбку.

— Демид, боюсь, ты не совсем правильно понимаешь значение слова джентльмен. Впрочем, не важно. Мы тут не для того, чтобы друг друга чему-то учить или лечить. Давай на чистоту. Зачем тебе понадобился весь этот маскарад с Царёвым? И зачем ты назначил мне встречу именно сейчас?

— А если я... соскучился? — внезапно его тон стал тише, ниже, более томным.

Он издевался надо мной?

Демид сделал движение, двигаясь ко мне ближе. Я почувствовала горячую волну, исходящую от его мощного тела.

Боже, нет!

Меня аж передёрнуло, когда я представила, что сейчас он может дотронуться до моего тела, что мне придётся вдохнуть его аромат.

Как-то, еще во время развода произошёл инцидент, я уже знала о беременности, страдала от токсикоза, а Демид тогда еще был одержим идеей меня вернуть, заставить его простить. Прижал меня в коридоре адвокатской конторы, где мы встретились, чтобы обсудить дела. От его запаха у меня буквально всё свело внутри, я не смогла сдержаться и вывернула желудок прямо на лацкан его дорогущего пиджака. Ремизов

тогда был в шоке, оттолкнул меня, орал, что я сошла с ума, совсем дошла до ручки в своих обидах, что он хотел помириться, готов был на коленях ползать, а я, такая негодяйка, устроила шапито. Я в тот момент, честно, только об одном думала — как бы Демиду не удалось сложить дважды два, сообразить, что стошнило меня не только потому, что я его ненавижу.

К счастью, мой супруг не был столь прозорлив.

— Ремизов, держись от меня подальше, — зашипела я, вжимаясь в край дивана.

— А то что, снова испортишь мою костюм? — мрачно ухмыльнулся бывший.

— Не исключено, — ответила я и вскочила, переходя на другую сторону стола.

Сердце колошматило на предельных оборотах. Во рту пересохло.

Я его ненавидела! Просто... находиться рядом не могла!

Урод моральный!

Как он смел даже подумать...

— Ликуся, что ж ты от меня бегаешь как заяц?

— Боюсь, что снова вырвет. Давай к делу, что тебе нужно?

— Ты! Мне нужна ты.

Что?

6.

— Что? — озвучила я свой вопрос.

Нет, мне наверное, слышалось. Уши просто почистила плохо утром.

Не мог он такое сказать.

Как это — ему нужна я?

Зачем?

Чтобы — что?

Спустя годы, тем более. И целую жизнь — без него.

— Мне нужна ты, моя прекрасная бывшая жёнушка, — ласково повторил Ремизов и обошёл стол следом за мной. Я не успела уйти, он поймал меня за руку и дёрнул на себя. Я врезалась в его мощную грудь, а этот медведь переложил руки на мою талию, развернул к столу и лихо усадил на него, каким-то непонятным образом оказавшись близко ко мне, моя нога при этом оказалась заброшена ему за спину.

Всё случилось так быстро, что я и сообразить ничего не успела, да и не ожидала подобного от бывшего — чего ему стукнуло друг по голове?

— Д...Демид, — надавила я руками на его грудь в попытках остраниваться. — Ты с ума сошёл? Убери руки!

— А раньше тебе нравилось, — смеялся этот гад мне в лицо, видя, что я реагирую и дёргаюсь от его касаний. Слиш-

ком жарких и откровенных. Он что — в самом деле задумал меня тут разложить на этом столе, в ресторане, пусть бы и кабинка закрытая? Тут рядом юрист бродит...

Что вообще происходит? Мой мозг отказывался это понимать, зато тело стало гореть от его касаний...

Да, этот чёрт бородатый остался таким же необузданным и сексуальным, он умеет приласкать женщину, его руки всегда влияли на меня совершенно магическим образом... Таким магическим, что за столько лет после развода в моей постели так никого больше и не появилось — я просто не смогла.

Не смогла никого к себе подпустить.

Не те руки, не те глаза, всё не то.

Все — не он.

Этот гад был счастлив, заводил любовниц направо и налево, а я, как дура последняя, слёзы свои глотала над телефоном, ожидая, что он позвонит или напишет.

Я не взяла бы трубку. Но всё равно ждала.

Хотела знать, что он тоже тоскует о сделанном, что меня потерял, что тоже тосковал по мне...

И он иногда писал.

Но я не отвечала, и наши контакты и пересечения свелись лишь к походам в суд на развод...

Я думала, что переболела им, смогла забыть, только теперь его горячие пальцы на моей шее мне говорили о том, что это не совсем так...

Он гладил меня, обжигал дыханием моё ухо.

— Помнишь, как ты кайфовала со мной? По несколько раз за ночь... Ты так красиво и эротично стонала, что я мог ночи напролёт с тобой... Тигрица.

Я едва не закрыла глаза от удовольствия, которое растекалось по телу вопреки моим желаниям. А точнее, как раз созвучно им, вопреки разуму, конечно... Ещё немного и я позволю себе лишнее...

— Ремизов, — постаралась я говорить твёрдо. — Я ничего уже не помню. Понятно тебе? Неужели ты думал всё это время, что особенный? Я тебя забыла давно. Не льсти себе. И отпусти меня. Ну!

Я пихнула его, но эта глыба не двинулась с места. Наоборот он начал напирать сильнее и просто уложил меня на стол, сопротивляться ему у меня сил бы не хватило.

И что — он будет настаивать? Ему что — сексом не с кем заняться больше?

Я точно не самая лучшая кандидатура на роль его сегодняшней девчушки-развлекучки.

— Врёшь... — Горячие пальцы прошлись по моей шее вверх, вызывая мурашки по спине. Я невольно выгнулась, а этот гад рассмеялся... И что смешного — он меня вынуждает тут лежать с ним. Я живая женщина, чёрт возьми, а этот подлец в ласках толк понимает. — Тебе всё очень нравилось, ты так быстро доходила до точки. С другими было так? Было также, а? Ну, расскажи. Сколько у тебя было мужиков после меня? Такую красавицу наверняка не обделили бы вни-

манием. А ты научилась наконец нормальный омлет делать мужику? Не тот, который в сковороде... Этот ты еще хуже делала. Научилась, а?

Пелена от его обаяния спала.

Изловчилась и двинула ему коленом прямо по причинному месту.

Ремизов зарычал и выпустил меня.

— Ах ты, зараза! Нельзя мужчин бить туда.

— Нельзя лапать девочек без спроса! — заявила я, убирая с лица выбившуюся прядь волос из причёски, а затем просто ломанулась к двери.

Нафиг с ним разговаривать дальше!

Как был животным, так и остался.

— Эй, постой! — полетел он мне наперекор. — Мы не договорили.

Он пой мал меня у самой двери, и я едва не взвыла — да что ему надо от меня?

— Ты меня путаешь со своими шлюхами! — кинула я ему в лицо. — Не смей прикасаться ко мне. Тебе больше это недоступно, ясно? Уйди с дороги.

— Да и чёрт с тобой, — ответил он, при этом окидывая меня слишком жарким взглядом. Брюки его совершенно не скрывали возбуждения. Видеть в таком виде бывшего спустя много лет после развода было... очень странно. — Не хочешь секса — сама обломись. Но мне нужно от тебя кое-что дру-

гое.

— Что? — затаила я дыхание.

— Откажешься от тендера и вернёшь мне фирму. Сама. Иначе очень сильно об этом пожалеешь. Я превращу тебя в бомжа, дорогая.

7.

Он серьёзно?

Серьёзно?

После всех этих горячих объятий, сальных, пошлых взглядов, мой бывший выдал вот это?

“Я превращу тебя в бомжа, дорогая”.

Скотина!

Еще и руки распускал, козёл!

Ладно. Я тоже знала, чем его зацепить!

Подняла голову, вытянула свою шею, которой он когда-то так восхищался, называя лебединой, и захохотала в голос.

Смеялась заливисто, долго, глядя при этом Демиду прямо в лицо, и с удовольствием наблюдая, как сползает с этого красивого, ухоженного лица его наглая, вальяжная ухмылочка.

Вот так, дорогой — выкуси!

Надеялся, что я что, испугаюсь? Расплачусь?

Или преподнесу ему тендер и фирму на блюдечке только потому, что это он пришёл, и руками своими загребущими меня попытался трогать?

Урод моральный!

Хотел выбить почву у меня из-под ног.

Думал, я его испугаюсь, что ли?

Да, даже если я и испугалась — виду не показывала.

Привыкла за столько лет к “покер-фейсу”. Невозмутимый вид, безразличие — это одинаково хорошо работает и на мужиках, и на конкурентах.

Да, я прекрасно запомнила то время, когда я оказалась рыбой, выброшенной на берег. Когда любимый, который всем рассказывал, как меня обожает, и казался любящим, верным и преданным, который стал светом в моём окошке, просто меня уничтожил.

Убил.

Выжег дотла.

Как хотелось тогда лечь и лежать, чтобы слезы по щекам катились. Ничего не делать. Ни есть, ни пить. Просто умереть.

Еще и размышляла тогда, дурочка, как ему станет плохо и больно, если я вот так уйду из его жизни. Как будет казнить себя всю оставшуюся жизнь!

Слава Богу, тогда рядом со мной оказалась моя мудрая мамочка. Тогда она стала моим спасением. Она мне быстро и грамотно объяснила, что мысли о смерти будет только её проблемой. Ну, и моей. Что Демид даже не вспомнит обо мне, и плакать не станет. Даже если и погорюет для приличия, то совсем недолго, а потом пустится во все тяжкие. Ведь у него вся жизнь впереди, свободная, сытая, богатая жизнь.

— Ты только себе делаешь хуже, дочка, — говорила мама. — Себя убиваешь. А ему, поганцу, отлично живётся!

Вот тогда я и подумала впервые о том, что мне надо сде-

лать, чтобы “поганцу” не жилось отлично. И придумала!

А потом... Легко ли мне было тогда сохранять спокойствие?

Конечно, нет! Приходила домой и падала на кровать, сердце кровью обливалось. Было так безумно жаль себя! И в то же время, я радовалась.

Радовалась тому, как мне удавалось бесить Ремизова!

Права была мама.

Этот козлина считал, что я должна убиваться, что я обязана страдать и умолять его вернуться.

Чего он не ждал, так это того, что я с полным безразличием оставлю его с голой жопой на снегу. Отниму всё, что могла отнять по закону.

И у меня даже “нигде не зажужжит”!

Да, да я смотрела на него как на пустое место, подписывая документы, которые делали меня хозяйкой всего, что так долго и упорно создавал мой муж.

О нашем разводе даже писала желтая пресса. Меня называли самкой богомола. Которая получила от жизни всё и убила партнёра.

Мои приятельницы не верили, что я могу быть такой черствой и бездушной.

Осуждали меня, говоря, что я не имею права оставлять Демида ни с чем.

Я просто порвала с ними отношения. Зачем мне такие по-

други, с которыми врагов не надо?

Узнала о беременности и это только укрепило моё желание оставить бывшего мужа на бобах.

Пусть помучается! Пусть ощутит всю полноту этого чувства, когда у тебя отнимают всё.

Да, тогда он отнял у меня всё — любовь, семью, уверенность в себе, будущее, о котором я мечтала. Отнял, просто решив получить мимолётное удовольствие.

Именно за это я решила также лишить его всего того, что было ему дорого.

С абсолютно безразличным лицом.

Я и сейчас смотрела на него, отсмеявшись совершенно безразлично.

— Очень смешно, Демид, но нет. Бомжом ты меня не сделаешь. Фирму не получишь. И тендер тоже.

— Всегда любил твой смех.

— Неужели?

— А ты не знала? Я и тебя любил.

— Серьёзно? И на секретаршу полез из большой любви ко мне?

— Это была ошибка. Ты знаешь. И я готов был это признать и искупить. Но ты решила по-другому.

— Да, я решила, что об меня ноги вытирать нельзя. Тебя это очень удивило, да, Демид?

— Нет. Не удивило. Не важно. Давай о деле. У твоей... то есть у моей бывшей фирмы огромные долги, как ты умудри-

лась их наделать — в душе не чаю. Тендер тебе не видать если о долгах станет известно. Поэтому я и здесь. Хотел предложить тебе решение проблемы.

— Ты снова опоздал, дорогой. У меня уже есть решение.

— Да? И какое? Банкротство? Тюрьма?

— Нет, милый, всё гораздо приятнее. Уверена, ты будешь удивлен.

Сказала и улыбнулась по-королевски.

У меня на самом деле было решение.

8.

— Ну и какое у тебя решение? — нахмурился бывший.

— Почку продашь?

— Если только — твою, — ядовито улыбнулась я. — А я замуж выхожу, ясно?

— Ты? — окинул он меня таким удивлённым взглядом, словно на мне жениться никак нельзя. Сам ведь когда-то...

— За кого?

— За того, у кого хватит денег спасти не только мою фирму, но и тебя за пояс заткнуть! — вскинула я гордо подбородок.

— МОЮ фирму, ты хотела сказать, — уколол он меня.

— Нет. МОЮ, — настаивала я. — И таковой она останется. Ты же не получишь ни копейки, и бомжиком, живущим в картонной коробке из-под холодильника на вокзале, окажешься сам.

Демид как-то очень неприятно улыбнулся. При этом тело его было максимально напряжено: все мускулы словно превратились в камень, вены на руках проступили, желваки ходили ходуном.

Что такое, милый?

Я уж давно не твоя, и вполне могу выйти замуж и за другого.

Думал, что буду страдать по тебе десять лет, а то и два-

дцать, или вообще — до самой пенсии? Обломчик вышел...

И претендент на мою руку и сердце в самом деле имелся — я не блефовала.

И он действительно влиятельнее моего бывшего мужа, хоть и тот не лыком шит.

Вот только... Душа у меня к этому мужчине не лежала, но другого решения проблем я не видела, и подумала о том, что мне стоит согласиться на его настойчивое предложение.

Не планировала. Вадим Швец, известный предприниматель, добивался уже давно моего внимания, сам же меня и поставил в то положение, в котором я оказалась. Обещал вытащить из долгов, сохранить мой бизнес, но... Взамен он хотел меня. И не в роли любовницы, а в роли жены.

Соглашаться я и сейчас не особенно хотела, но проиграть Ремизову и остаться на самом деле бомжом мне точно не хотелось. Он всегда отвечает за свои слова — раз обещал меня раздеть и разуть, значит, добьётся этого всеми правдами и неправдами.

Эту битву против такой акулы бизнеса я не выдержу.

Единственный, кто мог помочь выстоять и утереть нос зарвавшемуся бывшему — Швец. Но условия его помощи довольно категоричные...

Как я буду жить с нелюбимым? В постель с ним лягу?

Может быть, он захочет детей, наших общих?

Против моей дочери Вадим ничего не имел, он знал, что у меня есть ребёнок. Но он же наверняка захочет своих де-

тей...

Даже не представляю себе это всё. Но сейчас мне надо было во что бы то ни стало поставить наглого бывшего муженька на место. Пусть думает, что меня есть кому защитить и на всякий случай боится подходить близко. А с Вадимом мы, может быть, ещё как-то договоримся...

Я понимала, что Швец будет настаивать на своём — не будет он просто так напрягаться без существенной награды, но всё равно даже в свои тридцать всё ещё иногда верила в чудо. Наверное, потому что в моём случае только надежда на чудеса и оставалась...

— Да сейчас прямо, — снова хмыкнул Демид. Какой же он самоуверенный, гад! Так бы и съездила по роже ему, кулаком желательно! Как же он бесит меня даже спустя шесть лет... Козёл бородатый. Наглый индюк! Он ведь уверен, что ничего я ему не сделаю, что ничего против не смогу. — За кого же ты выходишь? За слесаря?

Я — может, и не смогу, а вот Вадим... Швец очень даже может намылить шею моему бывшему. И сделает это с особым энтузиазмом, если я перед встречей с Демидом как следует разозлю Вадима рассказами об издевательствах над мной и измене со стороны Ремизова.

Вот тогда тебе, бывший дорогой, мало не покажется — по полной хапнешь!

Это тебе не с девушкой тягаться. Посмотрим, как тогда ты останешься столь самоуверенным и наглым! Лишь бы в

штанишки не написал от страха при встрече со Швецом!

— За кого слесаря? — рассмеялась я. — Ты меня за кого держишь, Ремизов? У меня всегда были только самые лучшие мужчины.

Он сосредоточил на мне внимательный взгляд карих глаз.

— Кроме тебя, конечно, — добавила я. — Ты — подкачал, но другие... Вадим — не слесарь. Он — предприниматель. Да ты знаешь ведь его.

Демид сузил глаза. Мой кирпич, брошенный в него, ему не понравился. Он-то считал себя неотразимым и незабываемым... Впрочем, так оно и есть — он самый незабываемый гад в моей жизни, тот, кто моё сердце молотком расколошматил на мелкие куски без сожаления, но Ремизову об этом знать не нужно. Всё в прошлом, пусть там и остаётся.

— Ну и? — поднял брови Демид. — Хватит держать интригу уже. Говори, кто это несчастный, кого угораздило в тебя, истеричку, вляпаться?

— Это с тобой я истеричкой была, — пнула я его. — А с Вадиком — само спокойствие. Потому что с ним у меня нет ни проблем, ни поводов к беспокойству. Знаешь такой анекдот старый? От любви твоей загадочной я стала дёрганой и припадочной.

— Давай поэзию великих умов мы оставим на другой раз, — одёрнул он меня. — Что это за Вадим? Какая сфера?

— Швец.

Ремизов уставился на меня. Его лицо даже как-то переко-

сило.

— Кто?

— Вадим Швец. Твой заклятый бывший друг. И мой будущий муж. Помнишь, как я ему нравилась? Он до сих пор не смог меня забыть... Представляешь, как романтично?

Когда-то давно Вадим и Демид были друзьями. Пока Вадим не умудрился влюбиться в жену лучшего друга... Ну а теперь я, похоже, всё же исполню то, о чём Швец мечтал уже много лет, и из-за чего закадычные друзья перестали общаться — стану его женой.

У меня появилось ощущение, что Ремизов напрягся ещё сильнее, и сейчас просто разнесёт добрую половину ресторана...

9.

— И когда же ты с ним подружиться успела, а, Ликуся? — спросил он с очередной, особенно мерзкой ухмылкой.

— А вот, успела. Но тебе какая разница, собственно? — подняла я брови.

И чего его так волнует, куда я там собралась? Я уже давно в его прошлом, и обратно не планировала оттуда возвращаться. До сих пор бесит Демида влюблённость в меня его бывшего лучшего друга, которая переросла в любовь, такую, что Вадим захотел видеть меня своей женой и боролся за меня. В том числе, со мной же...

Интересно, почему? Разве не должно всё это было остыть спустя столько лет?

Я же не ревную его к кошёлкам, что крутятся теперь подле него, и не пытаюсь даже узнать, с кем сейчас он, женат ли, есть ли дети...

Мне просто неинтересно.

Ремизов тот, о ком я не знала ничего в последние годы, и ещё столько же бы счастливо не знала, пока он не ворвался словно бешеный Микки-Маус снова в мою жизнь и не грозился её развалить. Развалить то, что я с таким трудом собирала после его грязного и подлого предательства. Развалить то, что я собирала обратно по его же вине.

Совести у него нет совсем.

И не было. Но сейчас он явно околдовал ещё серьезнее.

Тот ещё перец стал — чили, не меньше.

Но и я не лыком шита.

Посмотрим ещё, кто — кого.

Да, пусть я сама против него мало что могу, но у меня есть руки Вадима.

— Да вот думаю: не спала ли ты за с ним за моей спиной?

Я прикрыла глаза на несколько секунд. Материться хотелось жутко.

Что он себе позволяет? Почему думает, что может вытирать об меня ноги?

Свои волосатые — в мою прекрасную душу?

Ну нет уж.

— За кого ты принимаешь меня, Ремизов? Шлялся в семье у нас ты. Не я.

Демид лишь предупреждающе сверкнул карими глазами.

Да стреляй, стреляй. Талантом Медузы Горгоны ты не обладаешь, слава богу. А потому — да хоть углядишь.

Чтобы его добить и завершить уже этот далеко не прекрасный вечер, демонстративно вынула телефон из сумочки и набрала номер Вадима Швеца, чего, на самом деле, уже давно не делала. Мужчина явно удивился и звонка не ждал.

— Вадик, а ты... Ты не сильно занят? Я бы хотела встретиться. Так соскучилась... Да, прямо сейчас. Заберёшь меня из одного ресторана? Мне тут совсем не понравилось, и

компания неудачная.

Ремизов беззвучно хмыкнул и покачал головой.

Что такое — не нравятся тебе мои телячьи нежности с твоим бывшим другом?

А слушай.

— Отлично, — сказала я в трубку, когда Вадим сказал, что находится недалеко, и придет за мной сам. Это мне очень на руку, обычно он слишком занят и присылает машину с водителем. — Тогда жду тебя. До встречи, котик...

Я повесила трубку и ядовито улыбнулась Ремизову.

За “Котика” мне ещё придётся держать ответ перед Вадимом, но с ним мы как-нибудь разберёмся. Я надеюсь, мужчина простит женщине её маленький каприз...

— А знаешь, я подожду его наверху, — сказала я Ремизову. Находиться с ним тут на одной территории стало напряжно. Да и не обязана я. Подписывать ничего не стану и соглашаться на его глупые условия, так что делать мне тут всё равно больше нечего. — Я думаю, мы с тобой закончили. Все подобные просьбы ты озвучишь позже лично Швецу. И... Знаешь... Жаль, что тогда я ему не ответила, и как ты выразился, не спала с ним у тебя за спиной. Давно бы уже была в счастливом браке, а не тратила время на тебя, придурка!

Я проскочила мимо него и оказалась в коридоре ресторана.

Едва не кинулась бежать на шпильках, боясь, что сейчас

он выбежит следом и покажет мне Кузькину мать за мои дерзкие слова.

Но Ремизов не пошёл за мной, и слава богу. Может, побоялся, что сейчас здесь окажется вскоре Вадим, и тогда ему придётся разбираться уже с мужиком, а не девушкой...

Юриста убедила, что всё в порядке. Коротко обрисовала ему ситуацию и шантаж Ремизова.

— Вы же понимаете, что у нас нет шансов против господина Ремизова.

Господин.

ТЬфу.

Аж передёрнуло.

Султан Сулейман, блин.

— Понимаю, — кивнула я. — Но кое-какое решение у меня есть... Но об этом завтра. Поздно уже...

Несмотря на то, что меня злили разговоры о силе Демида, но я всё ещё помнила, кто он. Недооценивать такого серьёзного противника нельзя.

Как раз позвонил Вадим и сказал, что ожидает меня у входа в ресторан.

Я попрощалась с юристом и вышла из ресторана.

Машину Вадима я знала и сразу нашла её среди тачек куда проще.

Села к нему в салон.

— Ну? И что это было? — спросил он, глядя на меня холодным взглядом.

Конечно же, он понял, что я затеяла какую-то игру, вдруг став к нему нежной после длительного затишья. — Что за дурацкие игры, Лика?

— Прости, — улыбнулась я виновата. — Ко мне мужик прицепился в этом ресторане, и я... Почему-то решила позвонить тебе. Чтобы ты меня спас от непрошенного ухажёра.

Он окинул меня подозрительным взглядом.

— Значит, и то, что ты, якобы соскучилась — тоже ложь?

— Нет, ну почему... — пожала я плечами. — Рада, конечно...

Ложь. Но мне придётся играть в эту игру до конца.

— Слушай, ты отвези меня домой, если не сложно? — попросила я. — Я так дико устала. Но, если я тебя оскорбила своим этим маленьким розыгрышем, то я вызову такси — без проблем.

Я уже взялась за ручку двери, как он их заблокировал и стартовал с места.

— Сиди уже.

Мы почти в полном молчании добрались до моего дома.

Вадим не спрашивал дорогу, помнил сам.

У самого крыльца дома, в который он когда-то приходил гостем и другом моего мужа, я посмотрела на него.

— Спасибо тебе.

— Да ладно... — лениво отмахнулся Вадим. — Ты мне вечно звонишь, когда тебя надо куда-то отвезти или отбить

тебя у очередного приставшего.

— Нет, не...

— Не надо лгать. Я всё сам прекрасно понимаю.

— А если я... Если я передумала?

Наши глаза встретились.

— Передумала — что? — изогнул он одну бровь. — Не любить меня?

Да, в последнее наше свидание, закончившееся весьма неудачно, я так и сказала.

Я же не думала, что он потом мне так понадобится...

— А я всё же... Хотела бы попробовать, — сказала я. — Может, я осознала, что была дура набитая, и всё такое прочее?

Пан или пропал.

— Врёшь, — снова раскусил он меня. — Но... Давай попробуем. Свидание? Завтра.

— Да, — кивнула я, не понимая, зачем он тогда соглашается, если понимает, что мне явно от него просто что-то нужно. — Давай свидание.

Умело вертеть мужчинами я никогда не умела — у меня был один Ремизов, его я просто полюбила, а другие мне были просто не нужны. Впервые в жизни я опускаюсь до подобного от безвыходности.

И Вадим, и Ремизов просто загнали меня в угол.

Из двух злых тигров я выбираю менее опасного для себя.

Мы договорились о встрече, и я вышла из машины.

Ощущение, что я совершаю какую-то ошибку не покидало меня до самого вечера...

Ну а предстоящее свидание с Вадимом, который явно на что-то рассчитывает, совершенно не радовало.

10.

— Мам, ма-ам, а мы поиграем? — Сонечка болтала ножкой, с которой я снимала ботиночек.

Я забрала её из сада недалеко от дома. Теперь мы обе были дома.

Моя малышка, Вишенка, конечно, всё уже умела сама, но мне хотелось сделать это быстрее, чтобы мы, наконец, прошли в комнату, и я могла сесть в любимое кресло, хотя бы на пару минут расслабиться после этого жуткого дня.

— Мамулечка, миленькая, поиграем в принцессу? — снова спросила она, потому что я не ответила, занятая её ботинками.

— Поиграем, малышка, — улыбнулась я. — Конечно, поиграем! Сейчас только сначала надо раздеться, умыться, пару минут отдохнуть, а потом ты мне расскажешь, что было в садике.

Я сбросила туфли, сняла модный тренч с себя, и точно такой же — с дочки.

Моей крошке нравилось, когда мы одинаково одевались. Это называлось “Фэмили лук” и я тоже очень любила покупать нам с Соней похожие или одинаковые вещи. Некоторые наши местные дизайнеры стали специально выпускать такую одежду, я сидела на сайтах по вечерам, выбирала нам с моей Вишенкой костюмчики или платья. На одежде дочери я не

экономила, да и на своей тоже — вроде бы не было повода экономить, ведь довольно долгое время дела фирмы, которую я отняла у Демида шли очень хорошо.

Вымыла дочке руки, дала яблоко, сама взяла себе спелый алый плод, села в кресло, откинув голову на спинку и закрыв глаза.

Боже, как же меня всё достало!

Демид!

Я думала, ненавидеть его больше нельзя — как же я ошибалась!

У моего бывшего просто талант превращать мою жизнь в филиал ада.

Придурок жизни!

Альфа-самец на минималках!

Урод!

Как я могла в него влюбиться? И любить так самоотверженно? Верить! Гореть! Жить им одним!

Возможно, именно это меня и утопило.

Слишком сильно любила. Слишком растворилась в нём.

Главное, я ведь смогла собрать себя, смогла выжить! пережила всё. Думала отболело, выжжено, выпотрошено и забыто.

А он, оказывается, сидел и выжидал. Как игуана, которая кусает свою жертву, впрыскивая яд, а потом таскается за ней, ждёт, пока добыча уже не сможет сопротивляться.

Мой бывший — такая вот игуана.

Гадил и ждал.

Когда мои дела пошли под откос?

Всё стало ломаться буквально в последний год. И теперь я усматривала в этом наглую, беспринципную, подлую руку Ремизова, который скрывался за личиной Царёва.

После измены и развода я считала бывшего мужа подлецом и негодяем. Но не подозревала, что он настолько мелочен и мерзок!

Он говорил, что это ЕГО фирма, что это ОН её создал, работал, зарабатывал.

Конечно! Мужчины все так говорят! только они всегда всё делают!

А как же жена? Любимая женщина, которая рядом? Которая создаёт надежный тыл? Уют в доме? Которая поддерживает и помогает во всем?

Демид забыл, как мне приходилось в чём-то себе отказывать, когда у него были проблемы и все деньги шли в дело. Забыл, как я сидела рядом ночами, когда он не мог уснуть и ему нужно было выговориться, всё обсудить. Забыл, как я давала ему советы, как я предлагала прислушаться к мнению аналитиков, а не рубить с плеча. Забыл, как я в него верила, повторяла, что он самый лучший, что он мой герой, что у него всё получится — даже в такие моменты, когда, казалось, он потеряет всё!

Конечно же, я не имела никакого отношения к его фирме

и к его успеху! Разумеется! Да!

Он рычал, чуть ли не плевал мне в лицо, рассказывая о том, какая я беспринципная дрянь, если смею оспаривать его право быть хозяином его детища!

Только вот он облажался, когда решил записать свою компанию на меня! Это раз!

И еще облажался, когда решил понюхать между ног у секретарши!

Фу!

Казалось, меня вырвет от подобного сравнения, зато оно меня сразу отрезвило.

Никакого снисхождения Демиду!

Никаких уступок!

Я найду выход. Уже нашла.

— Мамуля, ты отдохнула? — Вишенка стояла у моего кресла, теребила край платица.

— Да, куколка моя, всё, мама выдохнула, пойдем теперь переодеваться. Потом позвоним бабушке.

— А поиграть?

— Ты же хотела в принцессу? Вот как раз, наденем тебе платье принцессы, сама выберешь какое.

Платьев принцесс у нас очень много, что-то покупали, что-то с мамой сами шили, благо, на ребенка это довольно просто — купили отрез фатина метров двадцать, навертели пышную юбочку, пришили к ней маечку, украсили тем же фатином — и готов новый наряд, дел на копейку, а куклёне

нашей радость.

— Хочу новое, которое бабуля сшила!

— Отлично.

Открыла шкаф, достала яркое в стиле Барби розовое платье.

Не знаю, повезло мне или нет, но мамы сейчас с нами не было. Она уехала в санаторий в Ессентуки с подругами, мы созванивались каждый вечер по видеосвязи.

Конечно, мне необходим был её совет, что делать, как поступить. Но нагружать маму сразу всеми моими проблемами я не хотела. Поэтому решила пока не рассказывать ей ни про визит Демида, ни про его слова о том, что он меня бомжом собирается сделать.

Сдаваться на милость бывшего мужа я, естественно, была не готова. Хотя перспектива ради этого лечь в постель с нелюбимым мужчиной меня тоже совсем не радовала.

Думала об этом, пока моя дочурка расставляла на кукольном столике чашечки и блюдецки. Чаепитие у принцесс — это стало её любимой игрой в последнее время. Нам с мамой каждый вечер доставалась чашечка вкусного кукольного чая и кусочек пластикового тортика.

— Вот, мамулечка-красотулечка, бери, кушай, пожалуйста. Очень вкусно?

— Вкусно, малышка, спасибо! И так красиво всё! Умница!

Моё материнское сердце радовалось, пело от счастья, ко-

гда я смотрела на свою сладкую Вишенку.

Как же мне повезло, что у меня есть она! Если бы не Соня, я, наверное, просто сошла бы с ума. Рассыпалась в прах — не собрать.

И как хорошо, что этот негодяй Ремизов ничего не знает о дочери! Соня моя, только моя девочка! И пока у меня будут силы жить и дышать, бывший о ней не узнает!

Да он, к слову, не особенно и стремился узнать о том, как я жила все эти годы. ему было плевать на меня. Его заботила только компания, которую я присвоила!

Такой мужчина не достоин иметь что-то общее с моей дочерью. Он просто донор.

— Мамуля, скажи, а когда наш папочка, король, вернётся из далёкой страны? Ему же, наверное, там плохо? А мы бы пригласили его на чаепитие, угостили, и ему сразу бы стало хорошо, да?

— Да...конечно...

Я нашла в себе силы ответить дочери несмотря на то, что я этот момент моё сердце поливали ледяной кислотой, разъедающей душу.

— Мамуль, я очень хочу, чтобы папа вернулся!

11.

Это было так больно каждый раз! Слышать её слова об отце.

Сердце кровью обливалось.

Я пожалела, что когда-то не послушала совета мамы. Не сказала, что отца моей дочери нет в живых. Просто не смогла.

Вишенке было три годика, когда она впервые этот вопрос задала. Начала ходить в садик, видела, что других деток забирают папы. До этого момента она как-то не задумывалась о том, почему в нашем доме нет мужчины.

Она, собственно, не так часто мужчин и видела.

Мамин сосед по даче, мои сотрудники — иногда я брала Соню в офис.

Тогда, после первой недели в детском саду моя зайка стала задумчивой. Я читала ей сказку и там у героини был папа, который уехал далеко, Соня неожиданно взяла меня за руку и спросила:

— Мамочка, а где мой папа, он тоже уехал, да?

Я опешила, заволновалась, как-то сбивчиво ответила, мол, уехал далеко, да, потом расскажу тебе о нём.

Потом полночи проревела, не ожидала, что будет вот так, не подготовилась. Просто запрещала сама себе думать о том, что говорить дочери.

На утро она тогда про папу опять спросила, я ответила, что расскажу, когда она из садика придет.

Мама меня отругала, мол, зачем будешь ребенка обманывать, скажи, нет отца, так бывает, мол, улетел на небо.

Но для меня это было обманом. Ведь её отец, каким бы гадом он ни был оставался живым.

Сложно всё это мне далось, но я смогла.

Придумала историю о том, что папа работает далеко, в другой стране, что приезжать не может и звонить тоже, но он её очень любит. И может писать письма.

Так у нас появились сначала письма от папы, которые я тайком писала и распечатывала в офисе. Потом появились и подарки от папы.

Пришлось даже фотографию показывать. Правда, я принципиально не взяла фото бывшего. Решила ведь, что он дочери не достоин!

Нашла в интернете красивого мужчину в деловом костюме. Выбрала такого, который даже отдалённо не был бы похож на Демида — хрен ему!

Мама мне всё время повторяла, что я не права. Что так нельзя.

А я не понимала — как можно?

Сказать, что отец жив, но ничего о ней не знает и не узнает? Что она ему не нужна?

Конечно, это ложь. Если бы Демирд узнал, думаю, он бы обрадовался, ему всегда хотелось много детей, и о дочери он

мечтала. Вот только рожать детей лживому изменнику я не собиралась!

Позже моя мать стала мне говорить, что лучше бы я рассказала Вишенке о том, что папы нет на свете.

Но я считала, что для моей доченьки это будет ударом.

Поэтому наш папа король продолжал жить в волшебной стране, а мы устраивали чаепития без него.

— Мамочка, знаешь, я каждый вечер думаю, как будет хорошо, когда папочка приедет к нам обратно! И я хочу у деда Мороза попросить в этом году чтобы папа обязательно вернулся. Как ты думаешь, Дед Мороз поможет?

— Не знаю, милая. Есть такие вещи, которые даже он не может сделать.

— Как? — я смотрела как наполняются слезами глазки моей сладкой принцессы и понимала, что совершаю дикую ошибку. Мне на самом деле не стоило её обманывать! Но что я могла теперь исправить?

— Малышка, мы с тобой вместе напишем письмо, кто знает, может быть он и справится?

— Конечно справится, мамочка! Дед Мороз волшебник!

После я оставила Вишенку смотреть мультики, сама пошла на кухню готовить ужин.

Встала у плиты, глаза закрыла.

Боже, во что же я вляпалась?

С одной стороны дочь, которая мечтала увидеть родного отца.

С другой — мужчина, который много лет пытался меня завоевать правдами и неправдами, и которому я теперь наконец-то дала карт-бланш. Швец и раньше был настойчив, что же будет теперь? И ведь мне реально очень нужна именно его помощь за которую придётся платить!

А с третьей стороны мужчина, которого я когда-то так сильно любила, который вынул мою душу, растоптал, уничтожил. Превратил меня в женщину второго сорта. Да, да, я прекрасно знала как принимает таких как я общество. Если мужчина вам изменил, вы для всех навсегда становитесь неполноценной. Ненормальной. Нормальным не изменяют. Или изменяют так, что об этом никто не знает. А если вам изменили и об этом стало известно, если в вашей жизни был развод — всё. Вы для большинства будете той, которую можно лишь снисходительно пожалеть.

Нет, мне было плевать на эти вещи, дурацкие принципы дурацкого общества! Но они существовали. И получалось, что меня унизил самый близкий, родной, любимый человек, тот, кому я верила. Кому всю себя отдала.

Демид. Я опять возвращалась в эту нашу неожиданную для меня встречу в ресторане.

Он изменился. Но я не могла сказать, что в худшую сторону. Увы.

Он был хорош.

Наверняка все еще пользовался огромным успехом у женщин.

И я бы обманула себя, слукавила, если бы сказала, что у меня нигде ничего не ёкнуло.

Ёкнуло.

И с этим мне тоже предстояло жить и бороться.

Боже, почему всё это свалилось на мою голову? Чем я заслужила? И что делать дальше?

Весь вечер я оставалась рассеянной, мыслями то и дело ныряла в прошлое. Уже лежала в кровати когда на телефон пришло сообщение с незнакомого номера.

“А ты по прежнему самая красивая женщина во вселенной, лисичка...”

Хотелось разбить телефон, потому что лисичкой меня называл только один человек, в самые интимные, горячие моменты, на пике страсти он повторял — как я люблю тебя, моя лисичка.

Как я ненавижу тебя! Демид!

12.

Утром я ехала на работу, чувствуя себя так, словно меня тяжелой плитой придавило.

Вечер прошёл в раздумьях, я пыталась найти выход из ситуации, такой, чтобы мне не пришлось реально продавать себя Вадиму — по-другому я это не могла назвать. Я его не любила и понимала, что не люблю. А начинать отношения без любви...

Да я вообще не хотела никаких отношений!

Я хотела, чтобы меня все оставили в покое. Хотела жить, воспитывать дочь. Не думать о проблемах компании, которые как снежный ком катились на меня, а я не успевала убежать.

Мне вообще с трудом давалось все это — руководить, заниматься бизнесом.

Я ведь вообще училась по-другому профилю, я мечтала преподавать деткам, заниматься с ними. Потом была уверена, что я останусь домохозяйкой, буду рожать любимому наследников, воспитывать их.

Развод сломал мою жизнь, не только оставил меня с разбитым сердцем, но и спутал все планы.

Нет, сначала я горела желанием отомстить Ремизову. Взятась за дела его компании с жаром. Вникала во всё до самой сути и у меня получалось. На азарте, на адреналине.

Первое время мне удавалось не просто на плаву держаться, а даже расти!

Стоимость компании на рынке увеличилась.

Тогда еще тот же Вадим предлагал выкупить у меня детище Демида, которое стало моим. Но я пошла в отказ.

Сейчас я понимала, что, наверное, погорячилась. Нужно было продавать всё. Денег бы и мне и Сонечке хватило, еще бы и внукам осталось, при удачных вложениях. А Швец как раз обещал с этим помочь.

Примерно через год после развода, когда у меня на руках была моя малышка всё начало разваливаться. Я не могла уделять много времени бизнесу, у меня был грудной ребёнок!

Кстати, именно тогда и стало мелькать имя Царёв.

Получается, мой бывший уже тогда начал под меня копать.

Ублюдок!

Если бы он знал, что у собственной дочери отнимает деньги!

Нет уж. Лучше пусть не знает.

Я собрала небольшое совещание, пригласила ведущих специалистов.

Буквально открыла карты — вот так и так, мы на грани, что делать?

— В этом месяце мы должны сдать два крупных объекта, там всё идёт в штатном режиме, так?

— Да, Лика Сергеевна, там все штатно, — Один из моих

замов, Николай Петрович, толковый мужчина за шестьдесят, которого мне удалось переманить у конкурентов в самом начале, когда я только прибрала к рукам компанию мужа, отвечал уверенно. — Если не будет форс-мажоров сделаем в срок.

Мне не понравилась фраза про форс-мажоры, даже передернула плечами.

— Лика Сергеевна, проблемы у нас с новым ЖК, который на севере. — Второй заместитель, Андрей Иванович, более молодой и дерзкий, за место держится, работает хорошо. — Кажется, они нас слить хотят.

— Как — слить? — задала я совсем неуместный вопрос, прекрасно всё понимая. Эти партнёры были новыми и ненадёжными, увы. И скорее всего их тоже переманил этот гадостный гад Царёв, вернее — Ремизов. Мой, так его растак, бывший муженёк.

— Лика Сергеевна, а что там по встрече с Царёвым? — не дал мне опомниться Андрей. — Вы обещали поделиться.

— Нечем делиться, Андрей Иванович. Ничего хорошего. Собирается увести у нас из под носа тендер и считает, что у него всё получится.

— Уведет, — как-то спокойно, но обречённо сказал зам, а у меня внутри все загорелось от его слов. — Вы бы, Лика Сергеевна, подумали, может... реально продать компанию?

— Что? — Слова сотрудника меня просто обескуражили. — С какой стати я буду что-то продавать? И вообще...

Кто вам дал право так со мной разговаривать и предлагать мне такое? Ваше дело договориться с северянами по поводу стройки! Что хотите делайте: цену снижайте, обещайте сроки урезать, плюшки какие-то придумывайте, но делайте! Я от вас только и слышу — сделка сорвана, контракт не подписан. Начинаю думать — а не засланный ли вы казачок!

Андрей густо покраснел, хотел что-то сказать, но в итоге промолчал, пробормотав извинения.

Дальше я вполуха слушала доклад по будущим тендерам, которые, судя по словам моих топ-менеджеров нам не светили от слова совсем.

Настроение упало еще ниже плинтуса, хотя, куда уж ниже?

Я кое-как окончила совещание, сотрудники потянулись на выход, только Николай Петрович задержался, специально уронив бумаги, и неуклюже наклонившись, собирая.

— Николай Петрович, что-то сказать хотели?

— Да, Лика Сергеевна, слушай меня, я уж по простому. Не доверяю я Андрею. Ты прям в точку про то, что он засланный! Давай-ка я к нему направлю своего человечка, в его епархию переведу тихонько и поглядим. Не нравится мне все это. И как мужики тебя давят, не нравится.

— Кого вы имеете в виду под мужиками? — Яне сердилась на фамильярность Петровича, он мне в отцы годился, сотрудником был уникальным и верным.

— Царёв этот. Тёмная лошадка. Злой и наглый. Словно...

Зуб на тебя имеет.

Имеет! Еще какой зуб!

Только пока я даже ближайшему заместителю об этом не могла сказать!

— И еще... Швец, который Вадим Анатольевич.

— А что Швец? — постаралась сохранить спокойствие я, потому что фамилия Швец уже вторые сутки вызывала у меня нервный тик.

— Пока не могу понять, но мы же с ним несколько раз пересекались, да? Вроде как он заказами помогал, тендеры вам подкидывал на субподряд? Но... хреново это всё срасталось, и я знаю, что он потом вам же и выговаривал, мол наша компания виновата, вы, наши сотрудники...

Да, было дело, именно так и было. Вадим На меня рычал, объяснял, что мои же действия и действия моей команды топят компанию. Сейчас я понимаю — тут, скорее всего, прослеживалась рука Ремизова. Это он мне гадил, попросту говоря!

А я-то считала, что я такая неумеха в бизнесе!

— История со Швецем мне тоже не нравится, Николай Петрович, но там, я очень сильно подозреваю, не его вина. И не наша. Это всё Царёв, который...

Который Ремизов! Который мой бывший муж!

Негодяй и предатель!

Это каким надо быть чудовищем, чтобы растоптать женщину, унижить её изменой, превратить в даму второго сорта,

а потом еще глумиться и вредить, уничтожая её труд!

И как я в своё время просмотрела эти мерзкие качества в Демиде?

Я ведь считала его идеальным! Ну, почти...

Умным, сильным, властным. Он казался лидером, за которым люди готовы пойти! Я ему еще предлагала попытаться в политику!

Дура.

Нам только таких продажных политиков не хватало. И так у нас в стране их... дофига и больше!

Мы с Николаем Петровичем договорились, что будем держать дело на контроле, следить за отделом, которым занимался Андрей Иванович.

А я надеялась, что Вадим на этот раз поможет мне... бескорыстно.

Может случится чудо и мне не надо будет крутить с ним роман?

Я осталась в кабинете одна. Налила стакан воды, выпила почти залпом.

Увидела, что на телефон пришло еще одно сообщение.

“Работаешь, лисичка? Брось это дело, такие красотки должны работать только одним местом, и оно у тебя зачётное, я помню. Готов помочь. Если согласишься со мной пообедать”.

Он серьёзно? Мерзавец!

Мой бывший реально считал, что может вот так пригла-

силь меня на обед? Сначала объявив, что разорит, по миру пустит? Издевался надо мной, смеялся... А теперь обед?

Впрочем, у меня родилась гениальная мысль.

Обед, говоришь? Отлично! Его ты надолго запомнишь!

13.

Пока ехала всё думала о том, зачем поддалась порыву, довольно глупому, и согласилась поехать на обед с Демидом. Наверное, мне хотелось показать, что я его вовсе не боюсь — ведь меня есть кому защищать, просто я хочу услышать, что опять он придумал и какую помощь мог бы предложить. Трусить и прятаться в деловых делах не принято. Вызывали тебя на разговор, значит — надо набраться смелости и поговорить. Если я руковожу большой компанией, которая сейчас и терпит убытки, то я не имею права на слабости и страхи, на трусость. Поэтому я, конечно, поехала в этот ресторан, который глаза мои бы не видели сто лет в обед, как и, собственно, самого Демида — ради дел компании.

А вдруг, мозги вернулись в его бородатую голову, и сейчас он как изречёт нечто умное, что послужит в самом деле решением ситуации, или хотя бы её части?

Может, в нём проснулась человечность в кои-то веки, или на худой конец, Ремизов в самом деле нашёл некое соломонино решение для всех нас, чтобы разрешить нашу проблему? В последнее верилось больше, потому что идиотом на самом деле, то есть вот без мозга на самом деле, Ремизов никогда не слыл. У него не было души, совести, сердца и способности любить. А мозги всегда были — это точно. Тут ему не отказать в них... Не исключено, что и сейчас он уже при-

думал нечто в самом деле интересное и выгодное.

А может, мне просто хотелось думать так. Потому что, если честно, я боялась услышать очередные пошлости и угрозы, на которые мой бывший был способен как никто другой. Особенно теперь, когда мы находились в стадии вражды по личным причинам да ещё и вперемешку с отобранным у него бизнесом и его униженным чувством достоинства из-за бизнеса же.

Ладно, Лика.

Ты уже туда поехала, будем теперь решать проблемы по мере их поступления.

Держи хвост пистолетом.

Достала из сумочки зеркальце, пока машина несла меня в нужное место — захотелось проверить свой внешний вид и убедиться, что всё в порядке. Не представляла себе возможным появиться перед Ремизовым хоть на каплю не идеальной. Пусть видит меня только такой, сукин сын!

Пусть видит меня исключительно сильной, красивой, знающей себе цену и не обедающей просто так со всякими придурками!

Пусть не видит моих страхов, слабости, усталости и разбитости из-за неурядиц с компанией.

Пусть не видит бессонных ночей и целых лет, которые я провела в мыслях о нём.

Пусть не видит зияющую дыру в моём сердце, которая появилась в нём после “любви” Демида.

Пусть не видит всей той боли и тоски, что я пережила после жестокого предательства.

Пусть не видит слёз, которые я пролила по нему в разлуке.

Пусть видит только сильную духом царицу, которую ему не сломать.

Я больше не та Лика, кого он знал много лет назад, которая смотрела ему в рот и была готова бежать по углям и битым стёклам вслед за любимым.

За тем, кто так безбожно предал эту любовь позже.

Цинично, грубо и совершенно по-ублюдски.

Но за это ему бог — судья.

А мне надо решить дело компании.

Больно Ремизов туда уже свои мохнатые лапы сунул. Больно уж интересуется ею. Точно хочет оттяпать всё обратно и утереть нос бывшей строптивой жёнушке, и как ему помешать я, честно сказать, не имела ни малейшего понятия. По крайней мере, без помощи Вадима...

Но для начала всё же выслушаем вторую сторону судебного процесса — Демиду Ремизова. Послать его я ещё успею...

— Закажешь что-нибудь? — спросил вежливо меня Демид, когда я зашла в vip-кабинку ресторана, похожую на ту, где мы были в прошлый раз.

Нервно огляделась вокруг.

И нравится ему назначать и проводить деловые встречи в таких вот местах?

Или это только со мной они проходят в подобном формате

— чтоб далеко не могла убежать, а он мог меня и полапать при желании, тем самым ещё больше унизив меня и указав в очередной раз на моё место и положение, зависимость от него и слабость?

Это доставляет ему кайф, однозначно — я это ещё в прошлый раз заметила, этот огонь в его глазах. Помня об этом и всё ещё находясь под впечатлением от прошлой встречи ужасно не хотелось принимать его предложение пообедать вместе и потом ехать сюда, но дело сделано.

Надеюсь, этот бородатый вурдалак не распустит опять свои лапы и будет говорить только по делу, не наливая кругом лишней воды.

К тому же, ситуация изменилась: рядом со мной Швец (по моим же словам).

Я не одинока и под защитой Вадима, а против него уже не столько легко переть, как против девушки. Этот тип не должен так наглеть, как это было в прошлый раз, иначе я нажалуюсь “своему жениху”, и тогда у Ремизова есть риск остаться со сломанными лапами, которые он осмелится опять сунуть ко мне!

Надеюсь, не осмелится.

Потому что я вообще не желаю, чтобы он прикасался, козёл!

Ни при каких обстоятельствах.

Нам обоим это не нужно и даже противопоказано.

В тот раз реакция моего тела напугала.

Я...хотела его ласки, загорелась в его руках, желала ощущать на себе его губы.

Дура.

Словно не было этих почти шести лет разлуки из-за его предательства, будто не было всей этой боли и бессонных ночей с мокрыми от слёз подушками...

Я не должна об этом забывать и подпускать к себе этого чёрта с бородой.

Да и его реакция напугала не меньше — у него самого такой огонь и страсть плескались в глазах, что это сводило с ума. Я чувствовала нутром его желание, ну и физически тоже его ощутила — как такое скрыть? Ловила волну этого желания и поддавалась.

Нафиг такие приколы!

Уходя — уходи, и не смей прикасаться к моему пульсу.

Я уже, блин, слишком жива!

Выжила без тебя, и дальше бы прекрасно жила, если бы ты, Ремизов, не сунул свою морду снова в мою жизнь!

— Нет, спасибо, — ответила я сухо.

Вот уж расслаживаться с ним по ресторанам и обедать в его компании в мои планы не входило. Я хотела поговорить и уйти, чтобы затем спокойно поесть где-то подальше от него — а то рядом с Демидом у меня точно случиться несварение!

— Обеденное время, — снова заговорил он, изучая меню ресторана и нажимая кнопку вызова официанта. — Надо

пообедать.

Я покосилась на него.

Смотрите-ка, какой джентльмен!

Когда это он таким стал? Его укусил внезапно какой-то другой джентльмен?

Нет, Ремизов, конечно, не конченный придурок, иначе бы я его не полюбила тогда и не пошла бы за него замуж. Мужского в нём было много, и сейчас тоже есть, но просто всё это теперь обращено не ко мне. Ради меня Демид теперь и пальчиком не пошевелит...

А тут вдруг такая забота!

Это точно неспроста — он что-то задумал хитрый лис.

— Слушай, Демид, — посмотрела я на него исподлобья.
— Ну, хорош, уже играть в джентльмена. Неужели тебя волнует, пообедаю я или останусь голодной?

— Конечно, волнует, — ответил он, поднимая глаза на меня. — Я тебя пригласил на обед, а ты собралась ничего не есть. Потом у тебя начнётся язва желудка, и ты пришлёшь счета на лечение мне, обвиняя в этом.

Он заржал, а я недовольно поджала губы. Неужто он меня такой стервой считает? Хотя... Если бы у меня был хоть один повод что-то стрясти с него еще, или просто потрепать нервы, я бы это непременно сделала.

— Нам два супа с лапшой, — сделал заказ Демид. — Мне ещё мясо по-французски... Хлеб. Пару бокалов вот этой марки... Только очень хорошего. Ну и салат какой-нибудь,

овоши там...

— Греческий подойдёт? — спросил официант, шустро внося в блокнот на смартфоне наш заказ, который затем сразу же улетит поварам на кухню.

— Подойдёт. Несите.

— Вино сразу подать?

— Да.

Официант кивнул, отправил заказ поварам и оставил нас наедине.

— Ты съешь всё это сам? — спросила я его, расправляя на коленях юбку. — Даже два супа?

— Один — тебе, — пояснил Демид, вальяжно раскинувшись на спинке дивана напротив меня. — И салат — тоже.

— Я ничего не буду, сказала же, — раздражённо ответила я.

— Как была ты вредная стерва, Лика, так ею и осталась, — заявил бывший и залип в смартфон, пока не принесли напитки.

Свой бокал я трогать тоже не хотела, но было жутко скучно сидеть в его компании в ожидании супа, который я не буду есть, и пить хотелось... Напитка я пригубила от нечего делать.

— Ты мне расскажешь, для чего вообще ты меня сюда позвал? — спросила я. — Я не планировала весь обед убить на тебя.

— Расскажу, — ответил Ремизов. — Хотел сказать, что Швецу до конца не стоит доверять.

— С чего бы это? Он — мой жених, вообще-то, — вскинула я подбородок. — Я ему доверяю абсолютно во всём.

Нас ненадолго прервал официант, который принёс заказ. Одну порцию супа всё же поставил возле меня...

— Я его получше тебя знаю, Лика, — посмотрел внимательно на меня Ремизов. — Я с ним много лет дружил, и успел изучить. Он может повести себя неожиданно, кинуть не только меня, но и тебя, наивную глупышку.

— Зачем ему меня кидать? — не поняла я.

— Ради фирмы, — пояснил Демид. — Неужто не понимаешь? Может, он и тогда за ней гонялся, а вовсе не влюбился в тебя, как ты полагаешь.

— Это тебе так хочется думать, Демид, — усмехнулась я. — Я нравилась Вадиму очень сильно. Он мне даже признавался в любви когда-то. Да только я, как честная, замужняя женщина, его просила меня не трогать. И сейчас — тоже нравлюсь ему. Только теперь между нами нет преград в виде ненужных мужей!

Ремизов среагировал на мои слова очень странно — ухватил меня своей лапой за запястье и просто дёрнул на себя, подняв с дивана, и приблизив моё лицо к своему прямо через стол.

— Да он тебя использует, дура ты, — сказал он мне пря-

мо в лицо. Рука начинала болеть, от его хамства я ощутила возмущение. А ещё он напугал меня столько неожиданным действием... — Нажарит тебя вдоволь и бросит. И компанию отберёт. Попомни мои слова. Лучше соглашайся подписать со мной мирное соглашение и отдай тендер мне, иначе всё равно останешься не у дел и без фирмы.

— Знаешь куда иди? — прошипела я ему в лицо.

Свободной рукой дотянулась до своей тарелки с горячим, ещё дымящимся, супом, и просто перевернула её на его вторую свободную широкую ладонь, что лежала на столе.

Ремизов выпустил меня и зарычал, а я схватила свою сумочку и пиджак и опрометью бросилась из ресторана.

Ну и козлина!

Козлище прямо!

14.

Меня просто дико бомбило от всего. И от того, что наговорил мне Ремизов, и от того, что сделала я.

Знаю, как это больно — обжечься.

Сама обожглась с ним сильно. Но иначе. На самом деле — в сто раз больнее.

Обычный ожог пойдет. Ну, подумаешь, волдыри появляться, главное — маслом не мазать, и охладить желательно.

А вот тот ожог, который он оставил на моём сердце...

Он не прошёл до сих пор.

Да, сейчас я это отчетливо понимала.

Пока не видела демида, казалось — все прошло, быльём поросло. Плевать на него. Увижу — пройду мимо.

Увидела, да. Пройти мимо не получилось.

И спокойствие, холодную голову тоже не получилось сохранить.

Выбесил.

Вызверил.

Ненавижу!

Ненавижу еще и потому, что понимаю — он меня для всех остальных мужчин сделал негодной. Никого и близко рядом с собой представить я не могла. И не хотела.

А его — могла.

Себя за это ругала, корила, ненавидела, но что с этим по-

делать — не знала!

Казалось, ведь всего сутки прошли как он в мою жизнь вернулся, а ему удалось полностью всё перевернуть!

Сволочь!

Как же мне хотелось, чтобы той встречи не было! Чтобы Царёв оказался каким-нибудь рандомным мужиком, с пузом и лысиной. Да, хоть и красавцем, пусть, но из другой оперы.

Не моим!

Впрочем, разве Ремизов был моим? Давно уже нет.

Чужим он был.

Потаскун!

Интересно, скольких баб он за это время...

Нет, чёрт, не интересно это тебе, Лика! Бежала по холлу ресторана ругая себя на чём свет стоит, неинтересно!

Он просто мразь, предатель, разбивший твоё сердце, сломавший жизнь! И сейчас вернулся, чтобы отобрать у тебя средства к существованию! У тебя и у твоей малышки!

Супом горячим его облила? Так ему и надо! Еще и мало!

Что он там начал про Вадима втирать, что Вадим мной попользуется и бросит? Разорит?

Слышать это было неприятно, обидно и больно. Словно Ремизов меня именно как женщину снова унизил, указал на мою негодность, на то, что меня никто не хочет, всем только и нужно от меня — деньги и компания.

Гад.

Ах-ах! Пока единственный, кто действительно был на-

строен меня разорить, это ты, Демид! И в последнюю очередь я стану верить тебе!

Думала об этом, пока у гардероба пиджак надевала, никак не могла руки в рукава засунуть, когда почувствовала как кто-то хватает за запястье и с силой тянет.

Впечаталась в мощную грудь, увидела глаза, сверкающие гневом и страстью.

Демид.

Чёрт бородатый!

Побежал таки за мной!

Не знаю почему, но в тот момент эта мысль вызвала дикую радость. Неужели всё-таки реально я ему не безразлична, что он вот так за мной носится?

Или ему не безразлична твоя компания, Лика — тут же одернула себя.

Ему просто нужно твоё бабло!

И плевать на тебя, как на женщину!

Заруби себе это на носу!

А лучше — на его морде наглой раз и навсегда!

Подумала так, и тут же со всей дури вlepила Демиду хлесткую, жёсткую пощечину.

— Не смей хватать меня своими лапами, Ремезов! Меня тошнит от тебя!

— Вижу я, как тебя тошнит! Облизала бы всего с ног до головы! — ухмыльнулся обнаглевший бывший, — могу тебе это устроить, за отдельную плату!

Сказал это тихим, чувственным голосом и притянул к себе, оказавшись совсем-совсем близко, так, что я видела тонкие прожилки на его полных, влажных губах.

Сжала до боли челюсти, губы закусила, надеялась, что мои глаза в тот момент сверкали праведным гневом. Чтобы Демид понял, насколько противен мне. Как я его в реальности ненавижу, что чувствую!

Хотя сама себе мысленно сказала — лучше бы не ненавидела, правда. Лучше бы мне было на него плевать.

Говорят же, что безразличие бесит и раздражает сильнее всего!

Подумала об этом и буквально заставила себя нацепить маску — мне пофигу.

Странное дело, но Демид словно почувствовал эту мгновенную перемену.

У него даже глаз задергался, ноздри раздулись.

Но отстраниться бывший любимый муж не посчитал нужным, прижимал меня к своему телу так, что я ощущала его мощный торс, плоский натренированный живот и... кое что, что торчало пониже живота и намекало на то, что я этого мужчину интересую не только как владелица строительной компании с приличным капиталом.

Ремизов был не на шутку возбуждён!

Что это?

Тупо физиология? Конечно, если бы я спросила, он бы наверняка ответил именно так.

Впрочем, мысленно ухмыльнулась я, что мне мешает спросит?

— Что, такое Демид? Желание вдруг проснулось? Или ты извращенец? получаешь удовольствие, когда тебя горячим супом обливают? Или тебе просто больше не даёт никто? Так, что даже на бывшую привстал?

— Дура ты, Лика... Просто... глупая маленькая заноза! Какой была, такой и осталась. Не понимаешь, что это именно ты его таким делаешь, а? Это на тебя реакция! ты на меня так действуешь, лисичка. И всегда так было, сама знаешь!

— Неужели? Но это не помешало тебе засунуть своего младшего братишку в секретутку, да?

— А если я тебе скажу, что ничего ни в кого тогда не засовывал? Что этого не было?

Эти его слова довели меня до состояния близкого к бешенству, хотелось огреть его чем-то потяжелее, разбить в кровь холёную морду!

Какой же он негодяй, мерзкий, низкий, если позволял себе вот так надо мной издеваться! Через столько лет!

Если бы я не видела всё своими глазами!

И расстегнутую ширинку, и задранное платье этой коровы, и сорванные трусики... Сама она, что ли, с себя их сняла?

— Я говорил тебе еще тогда, Лика, — голос демида становится каким-то уставшим, — это было один раз, это случилось... спонтанно, я не хотел, она давно крутила своей задницей, а я... Ну да, у меня что-то перемкнуло в тот момент.

Ты же помнишь, у нас с тобой как раз был какой-то период...

Он замолчал, а я почувствовала как накатывает порция боли и обиды.

Какой-то период! Такой! Я в тот момент уже была беременна Сонечкой! У меня гормоны фестивалили, настроение скакало от нуля к сотне, то хотелось смеяться, то плакать, и почему-то совсем не хотелось близости, как отвернуло. Потом я решила, что это всё из-за измен Демида. Он тогда уже был с другими и я подсознательно это понимала.

А сейчас он говорит, что всё это бред? Что измены не случилось?

Почему же тогда молчал? Нагло ухмылялся, обвиняя меня в несостоятельности? В том, что я не такая женщина, которая ему нужна?

Это потом он стал на коленях ползать, рассказывать, что я одна его любовь, что он оступился, что раскаивается, плакал даже — это мне потом еще его приятели рассказывали, тот же Швец. Только я не поверила этим фальшивым слезам! Я тогда как раз начала бракоразводный процесс и раздел имущества. На кону стояла фирма Демида — еще бы ему не плакать, он ведь все потерял!

— Ты просто жалок, Ремизов! Сейчас, через столько лет умеешь только сказки рассказывать. Хватит. Мне неинтересно. И меня ты не интересуешь!

— Зато ты интересуешь меня! Лика!

— Неужели?

— Да... ты... ты у меня отняла самое дорогое. То, что я всю жизнь строил. И я не успокоюсь, пока тебя не уничтожу! Он опять приблизил ко мне свое лицо, ухмылялся нагло. Подлый лжец!

Только что говорил о том, что хочет меня как женщину, и резко переобулся в воздухе, объявляя, что самое важное — его компания.

Я ведь знала, что на меня ему плевать.

Значит, он мечтает меня уничтожить? Что ж... у меня плохие новости.

— Уничтожить, да, Демид? Извини. Не получится. ты меня УЖЕ уничтожил! Ту Лику, которой я была раньше. Твою дорогую лисичку. Её давно нет, понял? Ты её убил. Растоптал. Разрушил всё, что ей было дорого. Сломал. Рад?

Я видела, как менялось его лицо, он смотрел на меня иначе, словно только что увидел, разглядел, но мне было плевать, глаза слезы застилали и я ненавидела себя за эту слабость.

— Лика...

— Пусти, Демид. Считаю, что у тебя всё получилось. Ты меня уничтожил. Ту, другую меня. Настоящую. А эта, которой я стала сейчас — тебе не по зубам. Знаешь почему? потому что ей на тебя плевать.

— Плевать говоришь? Сейчас проверим!

Сказал зло, и резко дернул меня на себя, впиваясь в губы поцелуем.

15.

Меня прошило словно разрядом тока.

Губы будто горели настоящим огнём.

Его касания ранили, бесили и...заставляли меня вспоминать.

О нас. О нём. О его губах и упрямой щетине, что сейчас корябала моё лицо и нежную кожу губ...

Иногда он целовал меня так долго и так жадно, что губы были просто стрёрты и исцарапаны его щетиной, но мне это нравилось — я была любима, желанна.

Я чувствовала себя любимой женщиной, женой и самой исключительной.

ОН давал мне такие чувства и эмоции.

И мне тогда казалось, что это навсегда.

Бог его знает, куда потом всё это делось — ведь хотел же он заниматься любовью с другой...

И едва я вспомнила снова ту грязную сцену в его офисе, как пелена спала с глаз, вернулась способность двигаться.

Да он её также жадно и страстно целовал тогда, тоже хотел её сожрать там, на столе, и брюки у него точно также натянулись в причинном месте, как и сейчас.

Никакая я не была особенная и исключительная, он просто кобель, который любит секс, вот и всё. И ему, похоже, пофигу, вообще — кого.

А мне — нет.

У меня совершенно иное отношение к интимным отношениям.

Да, я когда-то была его. Он стал моим первым мужчиной, я занималась с ним любовью много и часто, именно Демид раскрыл мою сексуальность и научил быть женщиной — взрослой, умеющей вызывать желание у мужчин. Именно он научил любить и он же сбросил меня с небоскрёба на асфальт вниз головой. Именно он сделал так, что теперь у меня на мужиков дичайшая аллергия и недоверие.

Никакого секса он от меня не получит вот так, с наскока, кобель блудливый!

Да вообще ни при каких раскладах не получит его — у него был шанс, он его профукал!

Так что теперь пусть гуляет, и желательно вдали от меня.

Пусть дуло своего пистолета остужает в другом месте, не во мне.

Секс бывших по доброй памяти и старой дружбе — совершенно не моя тема!

Изо всех сил напряглась и с огромным усилием отпихнула от себя его — вот уж вцепился, медведь!

А потом ещё и залепила от души смачную пощёчину.

Проходившие люди с изумлением оборачивались на нашу развернувшуюся прямо на глазах у них сцену из бразильского мыльного сериала. Да только это не дешёвое кино, а наша реальная грёбная жизнь. Да, очень “веселая”, но какая уж

есть.

Залепила ему по роже и тут же потёрла ладонь и сморщилась от боли.

Ну и морда у этого гада — словно бы статуе по морде съездила.

Демид поджал губы. Я убежать не успела — он цепко ухватил меня за запястье и снова дёрнул на себя. Я врезалась в его грудь, а он поднял мой подбородок вверх и опять впился в мой рот.

Теперь уже требовательно и грубо, словно казня меня за эту пощёчину, словно теперь я должна просить прощения и замаливать вину, позволяя ему наслаждаться моими губами.

Я второй раз не впала в ступор, только обозлилась ещё больше.

Но разве могу я побороть это качка-медведя?

Это он ходит стабильно несколько раз в неделю свои банки качать, я не я

Хотя, судя по всему, пора и мне начинать их качать!

Вокруг полно наглых качков-медведей с горящим дулом пистолета, которое направлено точно на меня! А меня это нифига не устраивает!

Я упёрлась руками в его грудь и кое-как оборвала поцелуй.

— Отстань! — почти прокричала я, вырываясь из захвата.

— А ты знаешь, что сопротивление меня заводит ещё

сильнее?

— Помогите! — расширила я глаза. — Помогите кто-нибудь!

Какой-то Ремизов сегодня слишком настойчивый и распалённый.

А вдруг он меня сейчас закинет себе на спину и...

Асфальт с небом вдруг поменялись местами.

Ремизов сделал именно это — закинул меня, орущую, на плечо и понёс к машине.

— Отпусти меня немедленно, слышишь? — била я кулаками по его спине. Это что ещё за фокусы?

Но медведю мои удары были будто бы комариные укусы...

— Помогите, похищают! — орала я на всю улицу, и какие-то парни, проходившие мимо, всё же отрегировали и преградили дорогу Демиду.

— Эй, мужик. Девушка кричит, что никуда не хочет ехать с тобой.

— Это моя жена, — ответил Ремизов.

— Он врёт! — закричала я. — Не верьте ему.

— Мужики, ну правда — моя жена это, — сказал им Демид. — Истерика у мадам. Не купил ей шубу. Вот, несу домой, а то даже до машины не хотела идти, позорила меня на весь магазин.

— Э-э... Ну ладно.

Говорил Ремизов весьма правдоподобно, и парни поверили ему. Они просто ушли, и теперь уже он спокойно донёс

меня до своей машины и закинул на заднее сиденье...

Не успела я опомниться, как Демид уже успел занять место водителя, заблокировал двери и рванул с места.

— Куда? — спросила я, вцепившись руками в подголовник кресла водителя. — Куда ты меня повёз?

— В лес! — рявкнул бородатый козёл, вжимая педаль газа в пол.

Машина летела с огромной скоростью по шоссе, игнорируя светофоры.

— В какой ещё лес? — уже тише спросила я.

— А ты в какой хочешь? — усмехнулся он.

— Ни... Ни в какой... — захлопала я испуганно глазами. — Демид, я серьёзно же спрашиваю? В какой ещё лес ты меня везёшь?

— А у нас, *дорогая моя*, тут только один вариант — в хвойный! В наших краях не растёт другой.

— Ремизов, ну прекрати... — почти прошептала я. Всё это и вправду уже становилось несмешно. — Ты напугал меня.

Ремизов бросил на меня внимательный взгляд в зеркало заднего вида.

Меня покорило от этого колючего взгляда...

Неужели он в самом деле задумал что-то дурное?

Не похоже на него. Ремизов всегда был жестким мужиком, в общем-то, но с криминалом никогда не связывался.

Ради меня он готов перейти эту грань и пойти на душе-

губство?

Он совсем с катушек съехал на почве ревности к компании и к бывшему другу из-за меня?

Кажется, Ликуся, ты перестаралась со своей игрой в невесту Швеца, и теперь станешь женой матушки-земли...

— Да не бойся ты, — сказал Демид, глядя мне в глаза. — Домой я тебя отвезу просто, истеричка.

Он перевёл взгляд на дорогу и сосредоточился на управлении автомобилем.

Я же недовольно поджала губы.

Вот ведь гад — ведь в самом деле напугал меня.

Скотина волосатая...

— Свою жену не ругаю. Её никогда я не брошу. Это ведь со мной она стала плохая. А брал то я её хорошей, — процитировала я известного поэта.

Это стихотворение как нельзя показалось мне сейчас кстати.

Истеричка?

Возможно.

Только кто виноват-то?

Это с тобой я истеричка.

Только с тобой.

Это ты, Ремизов, меня сделал такой.

— Ой, мы Маяковским заговорили ? — изогнул он одну бровь, снова поймав мой взгляд в зеркале заднего вида.

— Ты даже знаешь, кому это чудесное стихотворение принадлежит?

— Представь себе, не одна ты это знаешь.

— Ты умный дядя, да?

— А то раньше ты этого не знала.

— Ну... Ты знаешь, после той отвратной сцены на твоём рабочем столе, я вдруг осознала, что я тебя, Ремизов, вовсе и не знаю. Вот так бывает: живёшь с человеком лет так пять. А потом понимаешь, что он совсем не такой, каким ты себе его представляла. В твоей голове он намного лучше. А в жизни... Мда, печально, не правда ли?

— Ну ты, Лика, тоже-то далеко не ангел оказалась, — поддел он меня.

— Я не подарок, ты прав, — кивнула я. — Но я никогда — слышишь, НИКОГДА! Тебе не изменяла. И даже не думала об этом. И посылала раз за разом твоего Швеца, когда он ко мне свои крепкие орешки подкатывал периодами. Потому что думала: ну как же так? Ведь у меня есть муж! Семейные ценности, и всё такое... А оказалось, не было никаких семейных ценностей. Всё было просто пшиком... Точнее, для меня они были, а для тебя... Важнее нашей семьи оказалось почесать твоё поленко посреди рабочего дня об очередную секретутку. Сколько их было, скажи мне? А? Сколько? Я тогда с какой тебя поймала? Со сто пятой или двести тридцать шестой?

Ремизов плотно сжал челюсти и резко свернул в сторону

какого-то леса, поехал по грунтовке в сторону виднеющихся деревьев....

16.

Я запаниковала. Потому что реально испугалась.

Демид вез меня в лес! Он не шутил! И...зачем?

Нет, я, конечно, была уверена, что он не будет меня убивать, и прикапывать. Или...

Я слишком хорошо о нём думала?

Мой бывший казался действительно взбешенным, выведенным из себя. А я только подливала масла в огонь. Вот и сейчас, вместо того, чтобы сидеть смиренно или умолять простить меня и отпустить мне больше всего хотелось продолжать пилить его, действовать на нервы!

— Давай, Демид, это прямо в твоём стиле. Издеваться над слабыми, — проворчала я, словно меня тянул кто за язык.

— Ты-то слабая? — хмыкнул он. — Да ты... Акула, Ликуся! Настоящая акула. Или нет — пиранья! — он рассмеялся, показывая на мгновение белоснежные зубы.

Придурок жизни.

Весельчак и балагур...

Не к месту твои шуточки сейчас.

— Пришлось, знаешь ли, стать такой, — ответила я. — Отрастить зубки. И коготки. Учителя были хорошие.

— Я уже все это слышал.

— Ну и послушай ещё разок! Если ты думаешь, что я тебя боюсь...

— А ты не боишься?

Он неожиданно резко затормозил, и я поняла, что мы действительно стоим в каком-то перелеске, на грунтовой дороге, по которой если и ездит кто, то после дождика в четверг. И если Ремизов решит что-то со мной сделать, помощи можно ждать до морковкина заговенья.

Голова у меня шла кругом, я не понимала в какие игры играет мой бывший благоверный. И как выиграть в эту партию, если мне правила игры никто объяснять не планирует. Но как-то надо выиграть!

Ему так нужна моя компания? Или дело не только в этом?

Что-то мне подсказывало, что не только.

Ох, не только...

Я услышала, как щелкнул замок ремня безопасности, вдруг пересел ко мне на заднее сиденье. Он сел рядом и устремил взгляд на меня. Что он собирался делать?

— Иди-ка сюда, пиранья моя...

Он придвинулся ко мне, и я выставила руки, пытаюсь избежать его объятий, но это было нереально, он уже схватил меня за талию и тащил куда-то вверх.

— Пусти. Пусти, Демид, я серьёзно! Я тебя...

— Что ты сделаешь? Руки ты мне уже обварила — больно, кстати. Рожу теперь расцарапаешь? А, давай, детка — жги! Я люблю от тебя даже боль!

— Пошёл ты... знаешь куда? Это низко и подло — то, что ты делаешь!

— А что я делаю?

— Ты... Ты меня похитил! Удерживаешь, против воли!

— Так сопротивляйся! Меня это заводит.

Он сказал это назло, зная мой характер. После его слов мне нарочно не хотелось сопротивляться! Я просто поджала губы, насупилась, стараясь смотреть на него с презрением.

О, да! Я репетировала этот взгляд — уничижительный!

Чтобы он чувствовал себя слизняком, когда я вот так на него посмотрю.

— Как же ты меня бесишь, Лика! Если бы ты знала!

От этих слов я вообще задохнулась.

Я — его?

А может, всё-таки наоборот, олень ты бородатый?

Какая наглость! Нет, ну надо же...

— Я? Бешу? — возмутилась я. — Я вообще к тебе не лезла! Это ты пристал. Сначала с обедом. Теперь с этой поездкой. Если я тебя бешу — держись от меня подальше!

— Если бы я знал, как...

Сказал, и резко притянул меня на себя, захватывая в кольцо рук, накрывая губы жадным поцелуем.

Я хотела не подчиниться, не впускать его в себя, сопротивляться.

Но у меня отчего-то не получилось.

Я странным образом тоже ловила кайф от этой ситуации...

Целовался Демид классно, всегда. Когда-то его поцелуй

был для меня первым настоящим.

Да, до него я целовалась с парнями, на выпускном в школе, в институте пару раз. Но это было как-то...

Слюняво, невкусно, неловко.

Я еще тогда думала: что девчонки находят в поцелуях?

Я не понимала.

А потом как поняла!

С Ремизовым...

До сих пор помню его хищный взгляд, огонь в глазах, когда он властно притянул меня к себе, прищурился, ноздри раздувались, а потом так по-хозяйски впился в мой рот, заставив застонать и раскрыть губы. Как нагло вел себя его язык, и как мой робко отвечал на его движения. Тот поцелуй, казалось, меня с ума свёл, голова кружилась, ноги подкашивались, по венам чистый адреналин носился. Мне было так хорошо, как никогда и ни с кем. Я была влюблена.

И он меня любил.

Я знаю, тогда точно любил. На самом деле. По-настоящему.

Что произошло потом, почему он так себя повёл? Этого я не смогу понять никогда.

Вспомнила.

Перед глазами снова был эпизод с секретаршей и всё. Как отрезало.

Замерла, перестав отвечать бывшему мужу.

— Лика... — почти прохрипел он.

— Пусти, Демид, — пихнула я его в плечо, слегка придя в себя. Мы не должны допускать близости. Это лишнее... А ещё... — Это пошло.

— Что?

— Пошло! Приставать к бывшей жене, от которой тебе нужна только несчастная компания. Мерзко.

— А если — не только компания? Что ты на это скажешь?

— А что еще я тебе могу дать? Квартиру? Так она моя, была моей до брака. Деньги? Ты меня не больно-то и спонсировал. Всё, Демид, больше ничего нет.

— А ты?

— Что, я?

— Если мне нужна ты?

Я горько ухмыльнулась.

— А меня нет, Демид, я уже тебе это сказала. Ты меня уничтожил. Всё, — я развела руками.

— Ты сидишь передо мной, живая и здоровая. Допустим, такая мне и нужна.

— Допустим? — подняла я брови. — Странные у тебя подкаты, Ремизов. Раньше получалось лучше. Извини, мне домой нужно. Можешь довезти до дороги, чтобы я вызвала такси?

— Довезу сам, — прошипел он сквозь зубы. Но не торопился отпускать.

А я чувствовала, что сегодня ему точно понадобится женщина на ночь, может и не одна. Реакция его тела не застави-

ла себя ждать. Как и раньше... Как и в те разы, что мы оказывались близки в последнее время.

В последнее время мы слишком часто оказываемся близко!

Мне это совсем не нравится!

Думать о том, что он возбуждён, было почему-то сложно...

Но со мной разрядки он не получит.

Пусть и не мечтает! Ещё чего...

Но... Тогда он получит её с кем-то другим.

Это же Ремизов, он без секса жить не может, и терпеть ничего не станет.

Мигом найдёт мне замену и проведёт эту ночь с пользой и кайфом.

Но я-то почему об этом думаю?

Мы когда-то были мужем и мужем.

Очень давно, словно бы в прошлой жизни.

Я почти не помню уже об этом.

И мне должно быть плевать на то, с кем он будет развлекаться, несмотря на то, что эту самую реакцию его тела вызвала именно я.

Должно быть плевать, но...

Мучительно заныла грудь, и внизу живота бушевало пламя.

Я хотела.

Хотела Демида.

Хотела, чтобы эту разрядку он получил с той, на кого и пошла реакция.

Глупые мысли, я это понимала.

Но ничего с собой поделаться не могло — мое тело проголосовало против мозга.

Воспоминания снова непрошенными гостями терзали меня...

Я помнила, как будто эти ласки были ещё вчера, каким он бывал неистовым, сильным, неутомимым, властным и при этом — убийственно нежным...

Так и не смогла потом проводить ночи ни с кем другим. С души воротило, стоило только подумать о занятии любовью с другим мужчиной...

В сердце словно засел он занозой, а на теле будто бы вообще поставили клеймо и надели на меня венец безбрачия и отворота на любовь и желание.

Это всё работало только с одним мужчиной — Демидом.

Может, он меня в самом деле, как это говорят — приворожил?

Я ненавидела себя за то, что хочу именно его!

Не должна я желать его.

Он — предатель и козёл.

Он меня продал за два рубля.

Он не заболится о своей маленькой дочери.

Да, я сама ничего не сказала о беременности, но не сказала почему?

Потому что он — предатель и козёл.

Значит, виновен.

Значит, нет ему прощения.

И уж точно никакой ему любви...

Пусть сливает свой спермотоксикоз где хочет, не со мной.

И мне будет абсолютно фиолетово, с кем он будет это делать.

Это вообще не моё дело.

Эти мысли словно отрезвили меня. Я нашла в себе силы остановить его, а то он уже разогнался, не видя от меня решительного “нет”.

Вот — увидел!

— Пусти, Демид, — нажала я на его руки, чтобы уже прекратил натиск.

— Ты же не хочешь, чтобы я тебя отпускал? — жарко прошептал он мне в шею и закусил мочку моего уха. Кожу опалило его дыханием, по спине пробежали крупные мурашки...

Господи, ну что он делает?

Не надо. Мы будем оба жалеть о сделанном.

И зачем?

Дважды в одну реку всё равно ведь не войти...

Опять он ноздри раздувал, глаза сверкали неистово. Мне на секунду показалось, что он сейчас наплюёт на все услов-

ности и возьмёт меня прямо в машине, посреди леса, без согласия.

— Знаешь, моё тело помнит тебя, — сказала я ему честно. Что тут врать, если по мне всё и так видно? Да я не могла не стонать от его поцелув... Куда же мне засунуть свою реакцию на него? Также, как он не мог её спрятать, и тело выдавало его с головой, моя рекация выдавала и меня. Глупо было бы сейчас ломать комедию и кричать, что ничего я не хочу. Хочу... Но есть много “но”... — Помнит, как с тобой было хорошо. Какой ты опытный. Как ты умеешь делать приятно. Тело помнит это. А вот душа... Моя душа помнит как ты её сжег на костре. Заживо. И она тебя за это не прощает и не подпустит к себе. Пусти.

Он молча отпустил меня наконец. Желваки играли.

— Пристегнись. Адрес тот же?

— Да. Только останови на углу, мне нужно в магазин за-скочить.

— Зачем?

Я удивленно посмотрела на него.

— Прости, это не твоё дело. Но... Ничего такого, купить молока, фруктов, печенья.

— Хорошо.

Демид пересел за руль и выехал на дорогу. Уже затормозив там, где я попросила, Ремизов повернул голову, внимательно сканируя меня, и тихо прошептал:

— Ведьма... Что ты делаешь со мной?

17.

Вышла из машины ног не чувствуя.

Он назвал меня ведьмой. Да, но... Как? Сказал так, что у меня внутри все сжалось, заныло, вся моя женская сущность с одной стороны кричала: беги, спасайся!

С другой нашептывала: останься с ним, поддайся, почувствуй себя живой, любимой.

Да уж, только любимой-то я ему вряд ли была и буду.

Любимым не изменяют.

Любимых не обманывают.

И не бросают.

Да, да, несмотря на то, что я тогда сама была инициатором развода, раздела имущества, я в глубине души всё-таки ждала, что Демид будет пытаться меня вернуть, что не оставит попыток помириться.

Но всё вышло как вышло.

И тому была причина!

Демид...

И его измена.

Нельзя поддаваться его демоническому обаянию...

Один раз я попалась на его сладкие речи. Поверила, слепо любила, не помня себя...

Но второго такого раза не будет!

Я не позволю вытирать об себя ноги.

Помню, что Демид говорил обо мне тогда, когда адвокаты отнимали у него его компанию, записанную на моё имя. Как называл меня в глаза и за глаза.

Швец мне тогда помогал. И он же передавал слова бывшего мужа, которого я так беззаветно любила.

Тогда Ремизов тоже называл меня ведьмой, только в его словах не было сексуального подтекста. Он всем говорил, как ненавидит меня, как сделает все, чтобы оставить меня ни с чем.

Что ж...

Получается, ему почти удалось?

Уже дома увидела пропущенный от Вадима.

Тяжко вздохнула. Даже читать сообщения от него не хотелось — как я буду с ним в постель тогда ложиться?

На сердце — камень.

Я согласилась на свидание с ним скрепя сердце.

Не хотела идти, особенно после того, что было у нас с Ремизовым.

Хотя, по сути, ничего такого и не было, но...

Я снова ощутила поцелуи желанных мною губ.

Того, на кого у меня был отклик...

Чего не сказать о Вадиме.

Но я обещала. И к тому же — Швец нужен мне.

Ничего я без него не смогу.

Одна — не смогу.

Против Ремизова — не сд.жу в одиночку.

Придётся мне “дружить” с Вадимом, и гордость свою запихать куда подальше, иначе останусь в проигрыше и бомжом — как обещал мой бывший неверный муж.

Кажется, его мечта увидеть меня на паперти с протянутой рукой вполне себе может осуществиться...

— Алло, прости, Вадим, — я сама набрала номер друга, тяжело вздохнув. — Не слышала звонка, заходила в магазин.

— Всё в порядке? — спросил он.

— Да, всё нормально, просто замоталась...

— Ясно... Надеюсь, всё в силе, Лика?

— Да, всё в силе.

— Заеду в семь.

— Я буду готова.

Сказала, а сама подумала — как же мне хочется всё отметить!

Или хотя бы опоздать. Часа на три...

Забрала Сонечку из сада, договорилась с подругой, Оксаной, которая живёт в соседнем доме, что приведу к ним на ночь дочь. У Оксаны сын такого же возраста, как Соня, и они с Вишенкой друзья — даже ходят в один садик.

Дочь с радостью пошла в гости, а я придиричиво оглядела гардероб.

Много простых, строгих, деловых вещей. И почти ничего такого, в чем можно пойти с женщиной в ресторан, и выглядеть привлекательно.

Бросила взгляд в самый угол шкафа — там в большом черном портплеке висели платья, которые я носила еще тогда, когда была счастливой и влюбленной женой Демида Ремизова. Я хотела выбросить все эти наряды, но...рука не поднялась. Конечно, прошло время, наверное, это уже не модно.

Но всё же я стала перебирать наряды, задумчиво закусив губу...

Алое платье-комбинация на тоненьких ляпочках мне попало на глаза первым.

Демида его обожал, и сидело оно на мне по-прежнему шикарно. К нему светлый пиджак-болеро, туфли. Да, на улице почти зима, но Вади́м обещал подъехать на машине.

Швец оценил мой внешний вид в холле ресторана, когда помог снять пальто.

— Ты восхитительно выглядишь, Лика.

— Спасибо.

Я вся сжалась, увидев свое отражение. В зеркале словно была та, прошлая я. Другая.

Неожиданно мне стало так себя жаль! До боли, до слез!

Ведь это не для Швеца...

Это для него покупалось — для Демида.

Тряхнула головой — да пошёл ты к черту, Демид Ремизов!

Жила без тебя счастливо, и еще проживу!

Улыбнулась Вадиму, взяла себя в руки, и мы вошли в зал.

Я старалась вести себя непринужденно. Мой спутник смотрел на меня жадным взглядом, словно готов был съесть меня прямо здесь и сейчас. Он и съест — только дай ему волю!

И захочет.

Вечером...

Швец не станет играть в детский сад и дружилки.

Ему “взрослую” любовь подавай...

Мы сделали заказ. Напитки принесли почти сразу, я пригубила свой.

Вадим неожиданно взял мою ладонь в свою руку.

Он смотрел внимательным взглядом с толикой наслаждения от компании в глазах.

— Ты расскажешь, почему вдруг решила сменить гнев на милость? — спросил он.

— Для этого нужны причины? — повела я плечом. — Может... Захотела дать тебе шанс?

— Неужели? — сжал он теснее мою руку, что даже причинило мне боль. — А появление твоего бывшего имеет к этому отношение?

18.

Я опустила глаза и начала тяжело дышать.

Чёрт. Не думала, что Вадим так быстро раскусит меня.

Как он так скоро догадался?

Неужели кто-то уже напел ему?

Молчала, не зная что сказать, с чего начать, как объяснить свой поступок...

Чувствовала себя так глупо. Отвратительно.

Да, всё это я затеяла из-за бывшего.

Вадим либо знал точно, либо всё это просто было написано у меня прямо на лбу.

Наверное, мне на самом деле не нужно было ничего такого затевать.

Призналась бы честно, что не выстояла под натиском недругов, развалила компанию, утопила её. Подписала бы всё, что требовал Демид — пусть бы подавился!

Даже если бы он ни копейки мне не выплатил, я бы не пропала. Пусть у меня не так много отложено на чёрный день, но что-то есть. Плюс есть квартира мамы, которую мы могли бы сдавать. Я бы вышла на обычную работу. Выжили бы. Сколько женщин так живут? Растят детей в одиночку. К большому богатству я как-то так и не привыкала, так что, смогла бы пережить смену социального статуса. Тем более, мне всегда хотелось с детьми работать, а не управлять компанией в ко-

торой тысячи человек.

— Лика, так я прав? — спросил он, потому что я просто молчала. — А знаешь, это обидно...

— Обидно? Почему же? — не выдержала я. Зло взяло. Ему обидно!

Ремизову больно!

Им, двум здоровым сильным мужикам, видите ли, хреново! А мне, слабой женщине должно быть что, стыдно?

А мне не обидно, что он меня позвал сюда, в этот ресторан, чтобы просто уложить в постель? Я же не слепая, и не дура...

Око за око, милый...

— Милая, я же понял, зачем ты меня вызвала, не дурак...

— Неужели? — Меня бесили его слова, выражения. — И что же ты понял, Вадим? Что я решила с тобой замутить, потому что бывший решил у меня компанию отжать? Да, знаешь ли... Давай начистоту. Поможешь мне утереть нос Ремизову — я буду твоей. Как? Устраивает расклад?

Он наклонил голову, покачал ею из стороны в сторону.

— Зачем ты так, малыш? Я ведь... Я к тебе со всей душой.

— С душой, говоришь? Интересно. Скорее, ты ко мне с кое-чем другим в штанах. Ты что — разве не видел, что происходит? Не знал, что в моей компании творится? Как меня сливают? Как мои тендеры перекупают? Разваливают всё, что я... Ладно, что еще Демид создавал, а я приумножила. Если ты, Вадим, как ты говоришь, меня любишь, почему не

помог? Ты согласился прийти сюда и отозваться на призыв о помощи, когда замаячила возможность уложить меня в постель.

— Лика...

— Ладно, проехали! — я взяла бокал, сделала глоток терпкой, бархатной жидкости, которая сразу зажигает огонь в венах. Пан или пропал? Или...

Не буду унижаться!

Пошли они все.

— Знаешь, Вадим, — сказала я, поднимаясь со своего места. — Спасибо тебе за приглашение, но я передумала с тобой ужинать.

— Что? Лика, ты с ума сошла? — вскочил он следом на ноги. — Что произошло?

— Говорю же — я передумала. Не нужна мне помощь. Ремизов хочет обратно компанию — пусть ею подавится. Чтоб вас обоих понос одолел! Плевать. Я... Я уеду. Меня в этом городе ничего не держит. Соберу вещи и... Давно хотела. И мама тут болеет часто. Вот она сейчас в санатории в Ессентуках. Ей климат подходит. И лечение рядом.

— Лика, ты бредишь. Я понимаю, ты встретила Демида и...

— Кстати, откуда ты знаешь, что я его встретила? Шпионишь, да?

— Допустим, он сам похвастался. — Вадим усмехнулся недобро, но я не поверила почему-то, что Ремизов что-то

ему говорил.

— Неважно, Вадим. Прости, поужинай сам. Свой заказ я оплачу, — достала купюру из кошелька, бросила на стол, пошла к выходу.

Вадим перегородил мне дорогу. Смотрел на меня в упор. А мне противно стало от его тона, как он спросил про Демида. Унизить, что ли, меня хотел? И это он — Вадим? Который все это время мне пел песенки о любви и страсти?

Еще один повод ненавидеть мужиков и не верить им!

Все уроды, как один.

Ну, или мне так везёт.

Притягиваю я их, что ли?

Магнит для предателей. И козлов!

Бородатых и гладковыбритых.

Я обошла его и продолжила путь домой.

— Лика, да подожди ты!

Вадим меня догнал уже в холле, я шла к гардеробу сжав зубы, почти не видя ничего.

Подала номерок, но Вадим не дал взять пальто, схватил за руку, оттащил в коридор, ведущий к уборным, прижал к стене.

— Лика, остановись ты. Не уходи... Ты горячая такая, страстная. Извини меня, дебила. Прости. Да, мне хреново от того, что ты со мной вот так. Но — согласишься, я право имею! Ты... Ты с этим своим Демидом меня совсем замучила. Он ногтя твоего не стоит, а ты... Я же понимаю, что ты меня

использовать хотела, чтобы нос бывшему утереть. И я могу это сделать, ты знаешь. Ради тебя на многое готов. Он тебя не стоит, Лика! Когда ты это поймёшь уже! А ты всё делаешь ради него, против него.

— А кто стоит? Ты, Вадим? Что ты сделал для того, чтобы стоять? Чем помог за это время?

— А ты только за помощь готова, да? Как... как проститутка бытовая?

— Что?

Этого я от Вадима не ожидала, подняла руку, чтобы залепить ему пощечину, но не успела.

Сильная рука оттащила от меня мужчину, и в следующее мгновение я увидела, как жесткий кулак моего бывшего мужа таранит челюсть несостоявшегося любовника...

19.

Мужчины сцепились так, что пыль стояла столбом. Кругом слышались удары и мат.

Я побоялась вмешиваться, схватила первого попавшегося официанта, тот вызвал охрану и мы насилу разняли бывших друзей...

— Так, господа. Все на выход, — указал рукой секьюрити в сторону лестницы. — И обойдёмся без полиции.

— Да-да, мы уходим, — ответил Вадим и сделал шаг ко мне.

— Идём, — протянул мне руку Демид, утирая с губы кровь.

Я застыла на месте, глядя на его широкую ладонь, за которую бывший муж предложил мне взяться и пойти с ним. Только куда? И надо ли? При Вадиме? Впрочем, я и так ему уже всё ясно сказала. Пожалела уже, что затеяла такую опасную игру... Вот к чему это привело — к драке. За которую мне теперь было жутко стыдно, если честно. Несмотря на то, что Демид, будучи в браке со мной, подозревал о симпатии ко мне его друга, таких откровенных драк Швец и Ремизов никогда не затевали.

— Идём, — повторил Демид. — Или предпочитаешь остаться с ним и продолжить слушать оскорбления?

Нет, слушать оскорбления не хотелось. Я схватилась за ру-

ку Ремизова, и мы вдвоём вышли из ресторана под провожающий нас недобрый взгляд Швеца и охраны. Но мне было плевать — пусть Вадим думает обо мне, что хочет. Ничего у нас с ним всё равно не выходит... Он так и так теперь Ремизова в покое не оставит — потому что я с ним ушла. Их война перейдёт в иную плоскость, и мне теперь совершенно необязательно иметь отношения со Швецом, чтобы утереть нос Демиду. Так даже лучше...

Верно говорят, что ни делается — к лучшему.

— И куда ты меня так настырно ведешь? — спросил я по пути Демида.

— Хочу отвезти тебя домой. Или ты предпочитаешь ехать в такси или вообще — пешком пойдешь?

— Нет, лучше уж ты отвези...

— Вот и я так подумал.

Ремизов вёл меня за собой к машине, при этом не выпуская моей руки, словно я могла бы потеряться по пути от ресторана до парковки... Меня отчего-то это рассмешило.

— Между прочим, ты меня оскорблял не меньше, чем Вадим, — сказала я ему, когда мы уже ехали по шоссе в сторону моего дома. Именно моего — после развода с Демидом я просто не смогла бы жить в нашем большом доме. Мы его продали и я купила себе поменьше, попроще и подешевле в содержании. А то за дворец Ремизова пришлось бы отваливать круглые суммы за наём клининга и услуги ЖКХ.

— Не сравнивай нас, — ответил он, не отвлекаясь от

управления авто.

— Это почему же? Ему нельзя оскорблять меня, а тебе — можно?

— Сама знаешь, почему не сравнивай.

— Нет, не знаю. Объясни.

— Не сейчас. Я же за рулём.

— Ты и потом не расскажешь. Я же тебя знаю...

— Сама догадайся тогда.

Он остановился возле крыльца и посмотрел на меня.

— Спокойной ночи, — сказала я и потянула за ручку двери.

— А поблагодарить своего спасителя? — поднял брови вверх наглец.

— Спасибо тебе, спаситель, — кивнула я, понимая, что Демид, конечно, рассчитывал на иную благодарность — на зализывание боевых ран на его губах...

Романтично, но — обойдётся!

К тому же, дверь соседнего дома распахнулась и полураздетая ко мне навстречу по снегу понеслась Вишенка...

— Мама! Мамочка! Наконец, ты приехала.

Она кинулась обниматься, а я тут же запахла на ней курточку и натянула капюшон.

— Ну куда ты ночью выбежала на снег, глупая? — спросила я. — Оксану напугала. Ну, давай, пошли тогда домой, раз уж ты всё равно меня увидела и выскочила... Скажу ей по телефону, что ты останешься дома.

— Ура!

— А теперь давай быстро в дом.

Я достала ключи и отворила дверь, запустила в дом дочь и включила свет. Затем вернулась к Демиду, сама даже не зная, зачем. Наверное, мне хотелось поближе увидеть его реакцию на ребёнка... Ведь Демид впервые видел свою дочь... Да, он не знал, что ребёнок — его, но я-то знала.

Сердце билось в груди как сумасшедшее, пока он наблюдал за мной и Соней... Он даже вышел из машины, чтобы посмотреть на ребёнка...

— Это кто? — спросил он, сведя брови вместе.

— Моя дочь. Соня, — ответила я, а сердце теперь стало замирать.

А вдруг, он догадается, что Соня — его дочь, не только моя?

Что тогда я буду делать?

— Не знал, что у тебя есть дочь...

— Ну вот, — развела я руками. — Теперь знаешь.

— И кто же счастливый отец? — задал он новый вопрос.

А я закусила нижнюю губу.

Значит, он не догадался... Жаль, отчего-то даже обидно, хоть я и не планировала ничего ему говорить.

— А тебе какая разница? — вскинула я подбородок.

— Да так... Любопытно, — хмыкнул он. — Ведь твоей дочери лет...шесть? Мы ведь тогда ещё были вместе.

Здесь моё сердце в прямом смысле слова провалилось в
пятки...

Пальцы заledenели, и не от зимнего мороза...

Неужели он всё понял?

20.

— Да, Сонечке пять с половиной. И что из этого следует, по твоему? — спросила я.

— Что ты сама мне изменяла за спиной, пока была моей женой, — усмехнулся Демид. А мне захотелось расхохотаться со слезами — нет, этот идиот ни черта не понял! Измена... Очень смешно.

Сам видел, что я никого не хотела кроме него. Это его понесло куда-то, но меня — никогда! Я всегда верная была, как пёс. И кто это оценил? Никто.

— Изменяла, получается, а меня в этом зато винишь. — продолжал он, словно желая добить.

Козёл!

— Так я вообще-то, твою измену своими глазами видела, Ремизов, — сказала я, отходя в сторону дома. Пусть думает что хочет. Тут холодно и дочь у меня в доме одна осталась...

— Так и я твоего ребёнка вижу тоже очень четко, — окликнул он меня. — И я выясню, чей он.

— Так выясняй, Демид, выясняй, — ответила я и закрыла дверь изнутри.

Ну его...

Любая его догадка меня на порадовала бы. Ни в случае, что он раскопает каким-то образом, что Соня — его дочь.

Ни в случае, если он посчитает ребёнка “нагулянным” Я понимала, что прятать вот так голову в песок — глупо, но сейчас у меня просто не было ни сил, ни возможности выяснять отношения с бывшим.

Хотя, конечно, мысль о том, что он мог догадаться о правде, и предъявить мне права на ребёнка, пугала. Что тогда я б

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.